

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 1994 г.

Ю.Г. Виноградов

ОЧЕРК ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ САРМАТОВ I в. н.э.

Блестящие археологические открытия замечательных погребальных комплексов среднеарматской культуры в последние полтора-два десятилетия вполне оправданно повлекли за собой небывалый подъем, буквально взрыв интереса к проблемам истории и культуры сарматских племен в первые два века христианской эры. В указанную эпоху эти могущественные варварские народы оказывали существенное, а порой и решающее воздействие на исторические судьбы не только причерноморского эллинизма, но и закавказских государств, а в немалой степени и граничивших с ними римских провинций. Закономерным итогом стремительного численного роста археологических источников явились незамедлительные попытки переосмыслить в свете новой, качественно иной информации сведения о сарматах этого времени, сохраненные нарративной традицией. Комбинируя данные того и другого круга источников, сарматологи предложили ряд — порой удачных, порой более умозрительных — реконструкций, очерчивающих область расселения отдельных сарматских племен, намечающих маршруты их передвижений, а также подвергающих переоценке ту роль, которую они играли в известных нам по сообщениям античных авторов военно-политических коллизиях.

Составляя все эти противоречивые, зачастую взаимоисключающие версии, невольно убеждаешься в их основном продиктованном объективными условиями недостатке: для того чтобы более или менее надежно скрепить показания нарративной традиции и «молчаливой» археологии в единое целое исторической реконструкции, им со всей очевидностью недостает связующего материала еще одного вида аутентичных источников — памятников эпиграфики. До недавнего времени единственным, пожалуй, исключением был знаменитый элогий Тиберия Плавтия Сильвана Элиана из Тибура, текст которого к тому же в отдельных релевантных для истории Причерноморья пассажах коррумпирован. Однако счастливые находки последних лет позволили сорвать печать молчания и с архива эпиграфических документов, а как следствие этого предоставили нам повод вновь вернуться к интереснейшим проблемам сарматской истории I в. н.э., равно как и возможность, еще раз критически проанализировать в свете появившихся данных наличный фонд источников. Опыт подобной аналитической ревизии и составит предмет данного очерка, автор которого должен заранее предупредить читателя о по неизбежности конспективном местами характере изложения.

Событийная история сарматов второй половины I в. до н.э. и первой половины I в. н.э. известна нам довольно лакунарно. Страбон (XI.5.8) в диатесе северопонтийских племен помещает историческую справку о том, что «Абеак, царь сираков, в то время, когда Фарнак владел Боспором, выставил 20 тыс. всадников, Спадин же, царь аорсов, — даже 200 тыс., а верхние аорсы и более того». С полным основанием предполагается¹, что эта вербовка связана с приготовлением в 50—49 гг. сына Митридата Евпатора к борьбе против Рима. Действительно, столь огромные силы сарматов едва ли понадобились бы боспорскому царю ради какого-то локального военного конфликта.

Перечисляя многочисленные выступления варваров в разных уголках ойкумены в 16 г. до н.э., Дион

¹ Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin—Amsterdam, 1971. S. 323 f.

Кассий (54.20.3) среди прочего сообщает, что Л. Тарий Руф², наместник Македонии, «одолев... савроматов, изгнал их за Истр». Тот же Дион (55.30.4) упоминает о том, что во время Панноно-Далматинского восстания командовавший войском Мёзии Авл Цедина Север, тогда легат Августа пропреторского ранга, в 6 г. до н.э.³ вынужден был вернуться «в Мёзию по причине того, что ее разорjali даки и савроматы»⁴. Это же извeстие дублируется в «Хронике» Евсевия под 7 г. н.э.⁵

Флор (II.28—29) приводит никакими другими источниками не подтверждающееся, а потому сомнительное свидетельство (к тому же без точной даты)⁶ о том, что наместник Далмации Г. Корнелий Лентул препятствовал переходу сарматов через Дунай.

О неоднократных переправах сарматского племени языгов через Дунай сообщает в годы своей ссылки (8—18 гг.) Овидий. Нельзя, однако, установить в его рассказах, с одной стороны, долю поэтического преувеличения, а с другой — с какой целью совершались эти переходы: как военные набеги или в поисках прокорма и одновременно под натиском других варварских орд⁷.

Светоний (Тиб. 41) глухо упоминает о том, что сарматы вместе с даками беспрестанно опустошали провинцию Мезию в конце правления Тиберия (14—37 гг.).

Следующим по времени документированным источниками эпизодом было участие сарматов в борьбе за армянский трон, о чем речь пойдет чуть ниже. Однако у нас есть, думается, все основания вписать в хронику военно-политической истории еще одно событие, которое, по моему глубокому убеждению, стало решающим поворотным пунктом в дальнейших судьбах всего обширного северопонтийского региона.

Речь пойдет о воцарении на Боспоре новой сарматской династии, родоначальником которой стал Аспург. Завесу молчания источников, окружающую обстоятельства прихода к власти, пока лишь едва приоткрывают скудные показания боспорской нумизматики и эпиграфики. Согласно уникальному свидетельству пантикапейской надписи КБН 40, Аспург происходил от царя Асандроха, причем, как отмечают комментаторы Корпуса, выражение $\acute{\omicron}\ \tau\kappa\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega\varsigma\ \prime\prime\text{Асандрохου}$ означает, что Аспург мог быть как сыном, так и потомком этого царя, которого одни исследователи идентифицируют с известным боспорским правителем Асандром, царствовавшим, согласно новейшим нумизматическим данным, до 21/20 г. до н.э.⁸, другие же — видят в нем царя одного из меото-сарматских племен азиатского Боспора⁹. Тем не менее большинство исследователей единодушно во мнении о том, что ярко выраженный негреческий

² У Диона ошибочно назван Луцием Гаем; об исправлении имени см. *Thomasson B.E. Laterculi praesidum*. V. I. Göteborg, 1984. Col. 121. № 2; col. 179. № 5.

³ То есть еще до образования провинции, см. *ibid.*: Col. 121.

⁴ Свидетельство пропущено в хрестоматии В.В. Латышева «Scythica et Caucasia». М.Б. Щукин (На западных границах Сарматии // Кочевники евразийских степей и античный мир. Новочеркасск, 1989. С. 36) ошибочно относит его к предыдущему событию.

⁵ *Euseb. Chron. can.* P. 170 sq. Helm: Tiberius Caesar Dalmatas Sarmatasque in Romanam redigit potestatem.

⁶ Т.Д. Златковская (Мёзия в I—II вв. до н.э. Мюнхен 1951. С. 43) датирует этот эпизод 10—12 гг. н.э., что маловероятно; другие исследователи помещают его в рамках от 6 г. до н.э. до 4 г. н.э.

⁷ Весь комплекс свидетельств и связанных с ними проблем подробно разобран: *Подосинов А.В.* Овидий и Причерноморье // Древнейшее государство на территории СССР. 1983. М., 1984. С. 125—133; *idem.* Ovids Dichtung als Quelle für die Geschichte des Schwarzmeergebietes // *Xenia*. Ht 19. Konstanz, 1987. S. 134—141.

⁸ Дата устанавливается на основании отчеканенного в 21/20 г. статера Динамии, опубликованного В.А. Анохиным (Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 70—80), который относит смерть Асандра к предшествующему — 22/21 г., в то время как С.Ю. Сапрыкин (Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. 1990. № 3. С. 204—214. особ. с. 208—211), представивший слишком искусственную версию хода событий, считает, что Асандр скончался в 17 г. до н.э. Единственно верную и полностью согласующуюся с данными античной традиции реконструкцию боспорской истории данного периода представили: *Карышковский П.О., Фролова Н.А.* Правление Асандра на Боспоре по нумизматическим данным // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 89—112; авторы (с. 97 сл.) убедительно помещают дату смерти Асандра на 21/20 г. Ср. немецкую версию этой статьи: *Frolova N.A., Karyshkovskiy P.O., [Delfs M.]*. Zur Chronologie der Herrschaft Asanders im Bosphoros // *Chiron*. 1993. 23. S. 63—81. Как издатель сборника «Древнее Причерноморье» со всей ответственностью должен заявить, что «коренная переработка как в языковом плане, так и по содержанию, а также актуализация документации, предпринятая М. Дельфс» (Анн.*), далеко не в лучшую сторону послужили преобразованию русского оригинала публикации. Добавление пары сносок на работы В. Хобена и Р.Д. Салливена (о которой — вышедшей в том же 1990 г. — авторы вообще не могли знать) и ссылка на еще один экземпляр Асандра статера по аукционному каталогу (№ 12), равно как и насильственные вторжения в текст, резко сократившие и местами искажившие исторические выводы первоиздателей, не могут быть признаны ни нормой международного научного сотрудничества, ни уважительной данью памяти выдающегося ученого — П.О. Карышковского.

⁹ Высказывания сторонников как одной (Стефани, Люгебиль, Латышев, Брандис, Ростовцев, Бертье-Делагард, Гайдукевич, Устинова, Сапрыкин), так и другой версии (Кислинг, Андерсон, Голубцова, Горемыкина, Каллистов) приведены в работах: *Gajdukevič*. Op. cit. S. 328 f. Анн. 69; КБН 40 комм.; *Сапрыкин, С.Ю.* Аспургиане // СА. 1985. № 2. С. 66.

характер имени Ἀσπυργός с прозрачной иранской этимологией (*aspa-urga* = «сильный, как конь»)¹⁰ однозначно выдает сарматское происхождение Аспурга, чем и вызвана, по мнению некоторых, иранизация имени Асандра в КБН 40¹¹. Неоднозначность оборота ὁ ἐκ Βασιλείως этой надписи вынудила видеть в супруге Асандра царице Динамии мать, жену или даже бабу Аспурга¹². Так или иначе, нет абсолютно никаких оснований сомневаться в ирано-сарматском происхождении этого основателя новой династии, что полностью согласуется с дальнейшей традицией нарекать отпрысков данного царствующего рода наряду с фракийскими (Котис, Рескупорид, Реметалк)¹³ и понтийско-ахеменидскими (Митридат, Евлатор) такими сарматскими именами, как Савромат (начиная с Аспургова правнука Савромата I) и Инентимей. Более того, данные обстоятельства вкупе с некоторыми намеками источников на не слишком гладкое восхождение Аспурга на боспорский престол дают все основания выдвинуть не такое уж неправдоподобное предположение о том, что Аспург был не прямым потомком, а приемным сыном царя Асандра, не обладавшим вследствие этого полными легитимными правами занять трон преемников Митридата Великого.

Высказанную догадку способны, как мне кажется, подтвердить некоторые соображения о хронологии и характере первых шагов Аспурга на политическом поприще, базирующиеся главным образом на данных нумизматики. На мой взгляд, нельзя отказывать в правоте тем исследователям, которые раскрывают монограмму **Σ** на боспорском золоте в имя царицы Динамии¹⁴, откуда следует, что внучка Митридата после смерти третьего ее супруга Полемона I единолично правила Боспором с 9/8 г. до н.э. по 7/8 г. н.э. За этой чеканкой следует двухгодичная эмиссия (8/9 — 9/10 гг.) статов с остающейся пока нераскрытой монограммой **ΚΝΕ** (в расшифровке Анохина КΛΕ)¹⁵, после которой в 10/11 г. чеканятся статовы с монограммой **ΑΡ**, в 13/14 г. — с монограммой **Α** и монограммой **Α**, а с 14/15 по 37/38 г. с монограммой **ΒΑΡ**¹⁶. Опираясь на твердо документированный эпиграфическими источниками¹⁷ факт правления на Боспоре царя Аспурга во время четвертьвековой эмиссии последних статов и на

¹⁰ Об этом и других вариантах этимологизации см. Zgusta L., Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Prag, 1955. S. 75. § 66; Weber D. Ἀσπυργός und Verwandtes // *Archaeologische Mitteilungen aus Iran*. 1986. 19. S. 171—175.

¹¹ См. Сапрыкин. Аспургиане. С. 67 сл. Л. Згуста (op. cit. S. 363 f. § 918) склонен даже считать форму Ἀσπυργός исконной, а Ἀσπυργός гречизированной. Аналогичная, хотя и вызванная иными причинами варваризация имени Асандра в форме Ἀσπυργός встретилась в надписи Хрисалиска: Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 40. Сознательно выношу здесь за скобки разбор запутанной и круциальной проблемы социально-этнического происхождения аспургиан. Сарматские корни Аспурга мог бы однозначно засвидетельствовать один уже тот факт, что царь выбивает на своей меде с победной символической тамгу (см. Анохин. Ук. соч. Табл. 12, 318; на табл. 40, 46 — она воспроизведена неверно; ср. Фролова Н.А. // ВДИ. 1979. § 1. Табл. — вклейка III, 18). Обративший на это внимание Ю.М. Десятчиков (Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1974. С. 18) склонен, однако, считать основателем новой сарматской династии Асандра, приписывая ему тамгу, встреченную на гире из танаисского подвала III в. н.э. (см. Шелов Д.Б. Экономическая жизнь Танаиса // *Античный город*. М., 1963. С. 126. Рис. 7). Ни один из авторов солидной античной традиции не называет, однако, этого царя с типично греческим именем варваром (см. Карышковский. Фролова. Ук. соч. С. 97—102).

¹² Мать: Латышев, фон Роден, Минз, Гайдукевич, Дьяков, Блаватский (лит. см.: Сапрыкин. Аспургиане. С. 66. Прим. 3); жена: Kosiowitzeff M. // *JHS*. 1919. 39. P. 103 f.; бабка: Анохин. Ук. соч. С. 88. Сапрыкин (Аспургиане. С. 67 сл.) полагает, что Аспург был сыном Асандра полуварварского происхождения, однако возводит происхождение Аспурга к Митридагидам, заявляя, что «несостоятельны попытки усматривать в Асандрохе и Аспурге мифических сарматских царей, стремившихся завладеть боспорским престолом». Ср., однако, ниже прим. 26.

¹³ Нет никакой нужды в предположении о принятии Аспургом фракийского династийного имени Рескупорид, ни в гипотетических поисках корней его рода среди фракийской знати, тем более опосредованно через Асандра, бывшего якобы потомком Спартокидов — фракийцев по происхождению, как это пытались доказать некоторые ученые (см. Gajdukevič. Op. cit. S. 329. Апп. 69). Появление фракийских антропонимов на Боспоре как в правящем роде, так и среди прочего населения царства обязано браку Аспурга с фракийской царевной Гепеирией (см. Крыкин С.М. Фракийцы в Северном Причерноморье — в печати).

¹⁴ Литературу см. Фролова Н.А. О времени правления Динамии на Боспоре // *СА*. 1978. № 2. С. 49—61 (она, однако, считает эту и две следующие монограммы принадлежащими римским чиновникам); Анохин. Ук. соч. С. 87—89 (автор поддерживает и развивает общепринятую со времен М.И. Ростовцева точку зрения).

¹⁵ Анохин. Ук. соч. С. 89. Табл. 10, № 284, 285.

¹⁶ Там же. С. 90—94. Табл. 10, № 288, 289, 293, 297—304; 11, № 305—317.

¹⁷ КБН 39,985; СА. 1965. № 2. С. 197—209.

безусловное сходство отчеканенной на них монограммы ΒΑΡ с предшествующими ей — ΑΡ и Α , еще в прошлом столетии нумизматы атрибуировали все три дифферента одному правителю, откуда ими сделан вывод о том, что, придя в 10/11 г. к власти, Аспург лишь в 14/15 г. был официально интронизирован римскими императорами на боспорском престоле¹⁸, что впоследствии и было подтверждено посланиями этого царя 16 г. наместникам Горгииппии, где он упоминает о своем путешествии в Рим к Августу¹⁹.

Поскольку все три вышеприведенные монограммы отличаются друг от друга по сути только двумя элементами — П и В, при этом последний по аналогии с монограммами последующих боспорских царей уверенно раскрывается в титул $\beta(\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma)$, можно с полным основанием заключить, что и элементом П обозначен инициал некоего потестарного термина, например, $\lambda(\omicron\lambda\iota\tau\alpha\rho\chi\eta\varsigma)$ — одна из высших должностей Боспорского царства, засвидетельствованная начиная со II в. н.э. надписями КБН 36 и 1000. Политарх был в Македонии в позднеэллинистическое и римское время одним из верховных магистратов, известен он и во Фракии²⁰. Нельзя оставить без внимания, что монограмма Β на статере-унике 13/14 г., отчеканенном параллельно с золотом Аспурга, отличается от монограммы более ранней 16-летней эмиссии Динамию тем, что оба верхних уголка *μ*о дополнительно получают здесь перекладины, превращаясь одновременно в две *альфы*. На этом основании, как мне кажется, можно раскрывать ее в $\Delta\nu(\nu\alpha)\mu(\epsilon\omega\varsigma)$, $\alpha(\rho\chi\omicron\nu\tau\omicron\varsigma)$ $\text{Α}(\sigma\tau\omicron\upsilon\rho\omicron\upsilon\upsilon)$ и трактовать в том смысле, что Аспург незадолго до своей поездки к Августу присвоил себе традиционный спартокидовский титул архонта, которым первые три года своего правления обладал его отец Асандр, а затем уже на время самого путешествия Аспург возложил бразды правления на Динамию, чей авторитет на Боспоре, — как справедливо отмечено²¹, — был несомненно высок. Из обращения Аспурга к горгииппийцам, которые «соблюди себя в полном спокойствии»²², можно предположить, что восшествие его на престол и поездка в Рим сопровождалась какими-то волнениями на Боспоре, по всей видимости, ликвидированными им по возвращении в новом качестве царя, друга Цезаря и друга римлян,

каковое предоставило ему право чеканить отныне золото и медь с монограммой $\text{ΒΑΡ} = \beta(\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\omega\varsigma)$ $\text{Α}(\sigma\tau\omicron\upsilon\rho\omicron\upsilon\upsilon)$. Впоследствии он укрепил свои позиции римского вассала династичным браком с фракийской царевной Гепепирией — правнучкой по материнской линии триумвира Антония, брата которой Реметалк, Котис и Полемон воспитывались вместе с будущим императором Калигулой²³. Если предложенная реконструкция обстоятельств восшествия Аспурга на боспорский трон пусть даже в общих чертах верна, то она способна лишний раз подкрепить предположение о том, что новый царь не был ни родным сыном, ни прямым наследником, ни абсолютно легитимным преемником Асандра, но лишь сарматским adoptивным ставленником этого царя.

За утверждением на Боспоре сарматского царя Аспурга неизбежно должно было воспоследовать предоставление им режима наибольшего благоприятствования его соплеменникам (причем совсем не обязательно одним только аспургианам), что незамедлительно привело к военно-политической активизации сарматских племен как основной опоры новой боспорской династии. Конкретные проявления просарматской политики Аспурга не заставили себя ждать. Обе пантикапейские надписи с именем этого царя — КБН 39 и 40, свидетельствуют, что вскорости (не позже 23 г.) он подчиняет крымских скифов и тавров, причем термин $\nu\lambda\omicron\tau\alpha\varsigma$ — как следует из его упоминания в нимфейской надписи на базе статуи Митридата Евпатора²⁴ в свете информации, извлекаемой из Диофантова декрета²⁵, — не обозначал

¹⁸ Литературу см.: Фрэнкова Н.А. К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре // ВДИ. 1979. № 1. С. 139—147 (автор, однако, оспаривает эту *opinio communis*); Анохин. Ук. соч. С. 90—93.

¹⁹ Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2. С. 197—209; она же. Аспург и Боспор в 15 г. н.э. // СА. 1965. № 3. С. 28—37. Об исправлении даты, имени императора и чтения отдельных строк см. Vinogradov Ju.G. // Arheološki Vestnik 1980. XXXI. S. 309. № 100; *idem*. // East and West. 1992. V. 42. № 1. P. 24. No. 39.

²⁰ Gschnitzer F. Politarches // RE. Supplbd XIII. 1973. Sp. 483 ff. 495 f.

²¹ Анохин. Ук. соч. С. 93.

²² Блаватская. Рескрипты... С. 198. А. 7.

²³ Syll.³ 789.6/7. Cp. Rostovtzeff M. // JHS. 1919. 39. P. 107 f.; Sullivan R.D. Dynasts in Pontus // ANRW. 1980. II. 7.2. P. 928—929 (вклейка); Виноградов Ю.Г. Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. 1992. № 3. С. 132, 138.

²⁴ SEG XXXVII.668; исправление чтений Е.А. Молева и В.П. Яйленко см. Vinogradov Ju.G. // Bull. ép. 1990. 589. О значении $\nu\lambda\omicron\tau\alpha\varsigma$ см. Виноградов Ю.Г., Молев Е.А., Толстиков В.П. Новые эпиграфические источники по истории Митридатовой эпохи // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 595 и прим. 8.

²⁵ В IOSPE I².352.30/31 я предлагаю восстанавливать: $\tau\omicron\upsilon\varsigma \delta\epsilon \lambda\omicron\iota\lambda\omicron\upsilon\delta\epsilon\varsigma \Sigma\kappa\upsilon\delta\alpha\varsigma \lambda\epsilon\rho\iota \tau\omega\nu \kappa\alpha\theta' \epsilon\sigma\upsilon \tau\omicron\upsilon\delta\epsilon \lambda\rho\alpha\upsilon\mu\acute{\alpha}\tau\omega\nu \sigma\upsilon\nu \alpha\upsilon\tau\iota\tau\alpha\iota \beta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha\sigma\theta\alpha\iota$ = «а все прочие скифы должны были совещаться с ним (т.е. с Диофантом) об их (государственном устройстве)». См. ВДИ. 1987. № 1. С. 74 сл.*

полной интеграции Скифского царства в Боспорскую державу, но лишь приведение крымских скифов в состояние трибутивно-вассальной зависимости.

Нетрудно догадаться, что в ходе победоносной кампании Аспурга против скифов²⁶ решающую роль должны были сыграть вооруженные силы сарматов. Одним из самых, пожалуй, значительных результатов этой победы явилось возвращение боспорским владыкой на троне Скифского царства своего сарматского ставленника и сопутствовавшая этой акции массовая инфильтрация сарматов в состав населения крымской Скифии. Если инспирированный и стимулированный Боспором процесс сарматизации Скифской державы в Крыму выявляется по данным археологии, то интронизация в ней боспорской креатуры документируется единственным эпиграфическим памятником из скифской столицы — Неаполя²⁷. Наиболее близкие палеографические параллели неапольская надпись находит в боспорских лапидарных документах как раз времени Динамии и Аспурга²⁸.

В первой строке фрагментированной надписи из скифской столицы В.В. Латышев поначалу восстанавливал титул ΒΑΣΙΛΕΥΣ²⁹, впоследствии отказавшись от такого дополнения в пользу личного имени Γ'ΑΧΙΛΛ' ΛΕΥΣ³⁰, что и было принято Э.И. Соломоник³¹. Однако осмотр оригинала убедил Д.С. Раевского в том, что в этом слове перед лямбдой четко видны остатки *йоты*, что и позволило ему вернуться к первоначальному чтению Латышева ΒΑΣΙΛΕΥΣ Χωδάρζος?|Ομψαλακος³². И хотя графическая передача ЛИ Ахилл через одну лямбду вполне допустима, последнее восстановление надписи, безусловно, заслуживает предпочтения, как находящее многочисленные надежные параллели в боспорской, херсонесской и неапольской эпиграфике³³. Ничто, с другой стороны, не препятствует видеть в Омсалаке отца Ходарза³⁴ и таким образом восстанавливать всю надпись: ΒΑΣΙΛΕΥΣ Χωδάρζος υἱὸς νεῖ ὁ ἐκ βασιλέως | Ομψαλακος —³⁵. Из обоих типично ирано-сарматских имен³⁶ для нас особенно интересно многократно засвидетельствованное на Боспоре и в Ольвии ЛИ Ομψαλακος³⁷, с которым нам недавно пришлось неожиданно встретиться в связи с другим интереснейшим эпизодом сарматской истории, к изложению которого я и перехожу.

²⁶ С этим событием В.Ф. Гайдукевич (op. cit. S. 337 f.) связывал выпуск Аспурговой меди с эмблемой «голова Ареса — трофей», который В.А. Анохин (ук. соч. С. 94) считает самой ранней серией правления Аспурга как царя. Примечательно, что как раз на этой монете за Аресовым шлемом помещена царская тамга, которая, кроме того, известна на боспорских черепицах и керамике, а также на серебряной ложке из погребения в Косике (ср. публикацию, указанную ниже в прим. 38). Впервые распознавший тамгу на Аспурговой меди Ю.М. Десятчиков сделал на этом основании оправданный вывод о сарматском происхождении этого правителя (ср. выше прим. 12).

²⁷ IOSPE I².669 = НЭ. 1962. III. С. 35. Интерпретация в этом ключе эпиграфического и археологических источников, равно как и базирующаяся на них реконструкция скифо-боспорских отношений в I в. должны быть отнесены к числу беспорных заслуг Д.С. Раевского (К истории скифо-греческих отношений [II в. до н.э. — II в. н.э.] // ВДИ. 1973. № 1. С. 114—120). К сожалению, остальные остроумные построения автора не выдержали проверку временем как страдающие хронологическими неувязками и атрибутивными aberrациями, так и опровергнутые появившимися впоследствии документами. Ср. Пуздровский А.Е. Сарматы в Неаполе Скифском // Археология. 1989. № 3. С. 39. Прим.*

²⁸ См. Болтунова А.И., Клиполич Т.Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. III. С. 18—21 и рис. 9. С. 10. Табл. III. Ср. IOSPE I².573. На это сходство справедливо обратил внимание Д.С. Раевский (ук. соч. С. 118. Прим. 45).

²⁹ IOSPE IV.191; I².669.

³⁰ Латышев В.В. // ИРАИМК. 1921.1. С. 18 = SEG III.605.

³¹ Соломоник Э.И. Греческие надписи из Неаполя Скифского // НЭ. 1962. III. С. 35.

³² Раевский Ук. соч. С. 117 сл.

³³ Ср., например, посвященные статуи Аспургом IOSPE I².573 или вотив царя Скилура № 668.

³⁴ В этом сомневается Раевский (ук. соч. С. 117 сл.), который отмечает (с. 118, прим. 46), что другое возможное для дополнения имя Χωδάρζος засвидетельствовано в Танаисе лишь в III в. н.э. (КБН 1280.16).

³⁵ Менее вероятен вариант: ὕλερ τοῦ πατρὸς βασιλέως|.

³⁶ См. Zgusta. Op. cit. S. 171 f., § 261; S. 198 f., § 315. Попытку Раевского (ук. соч. С. 118 сл.) узнавать в Ходарзе неапольского документа деда ольвийского стратега Ходарза, сына Фарзея, известного из одного посвящения Аполлону Простату, приходится признать неудачной, так как оба документа разделены полуторавековой дистанцией: IOSPE I².94 = HO 91.6/7 датируется второй половиной II в. н.э. Того же мнения: Карышковский П.О. О монетах царя Фарзея // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 78; автор сомневается, однако, в восстановлении на неапольском фрагменте царского титула и имени «Ходарз».

³⁷ КБН 478 и 479 (обе — около середины I в. н.э.), 947А.1; 1260.20; 1262.18, 19, 27; 1264.2; 1282.13; 1285.13. IOSPE I².39; 105.5; 175.3/4 (во всех трех упомянуто одно и то же лицо — Омсалак, сын Евресивия, деятельность которого приходится, видимо, на вторую половину I в. н.э.); 227. В двух надписях позднесеверовского времени IOSPE I². 103.5/6 и HO 52.4/5 это имя фигурирует в форме Ομαψαλακος.

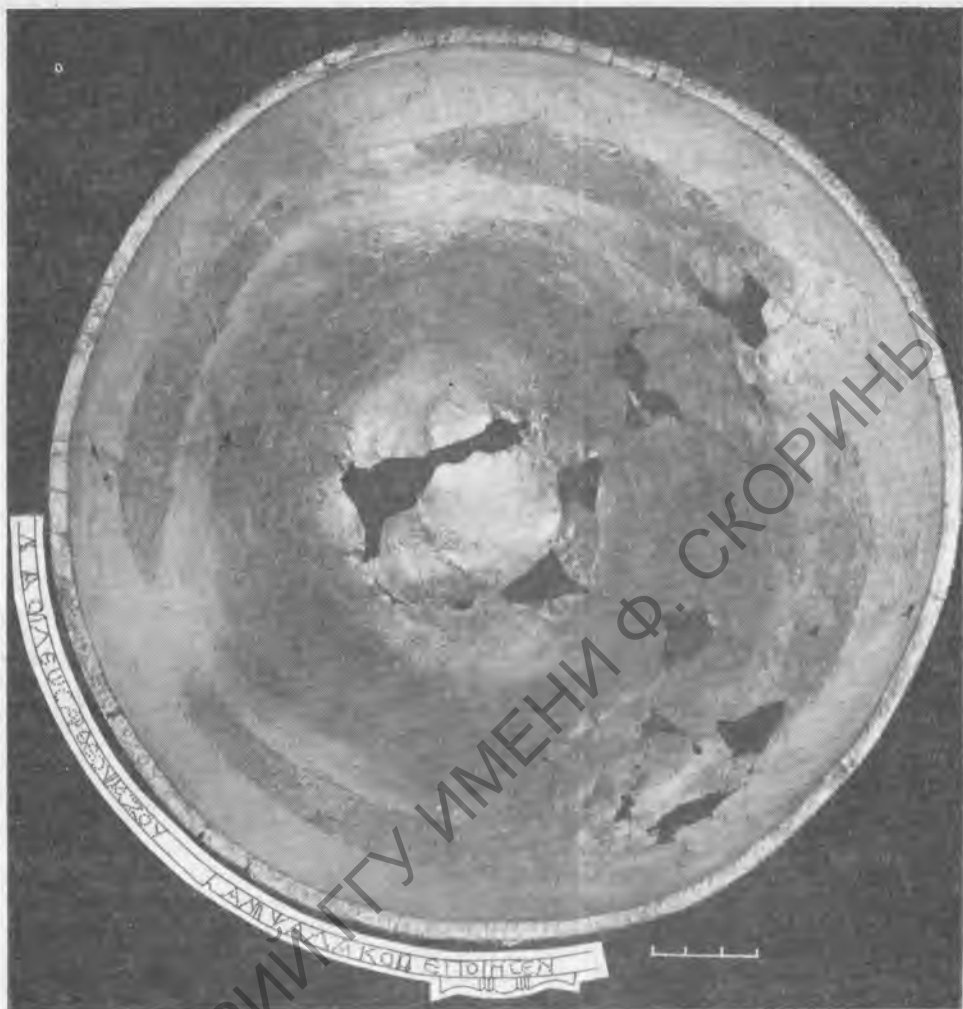

Рис. 1. Глубокая серебряная миска с пунсонной надписью из сарматского погребального комплекса Косика I

Среди инвентаря опубликованного на страницах ВДИ замечательного сарматского погребального комплекса Косика I на Нижней Волге³⁸ имеется серебряная полусферическая глубокая миска (котел), наибольший научный интерес которой состоит в пунсонной надписи, наколотой мастером на плоской закраине сосуда (рис. 1). Первоначально надпись занимала половину окружности закраины ровно от одного атташа до другого, но под влиянием времени либо отчасти в процессе удаления реставраторами окислов серебра от ее первой половины (четверть окружности сосуда) сохранились к великому сожалению лишь отдельные точки, которые невозможно связать в единичные буквы (выс. букв. 0,6 см), не говоря уже о

Конец последней надписи можно смело дополнить в: [κα]ἕτερα ἔρυα καὶ τοῦτο; о термине ἔρυον, обозначающем какое-либо сооружение (aedificium), см. *Robert L. Documents de l'Asie Mineure méridionale. Genève-Paris, 1966. P. 64; Wörle M. Stadt und Fest im kaiserzeitlichen Kleinasien. München, 1988. S. 117 f.* Подробнее см. *Виноградов Ю.Г. «И другие сооружения и... это» (К ольвийской надписи НО 52) // Древнее Причерноморье [III]. Одесса, 1993. С. 83—86.*

³⁸ *Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. // ВДИ. 1993. № 3. С. 141—179; Трейстер М.Ю. // ВДИ. 1994. № 1. Пользуюсь случаем поблагодарить В.В. Дворниченко и Г.А. Федорова-Давыдова за любезно предоставленную возможность опубликовать новый эпиграфический памятник и активную помощь в работе над ним.*

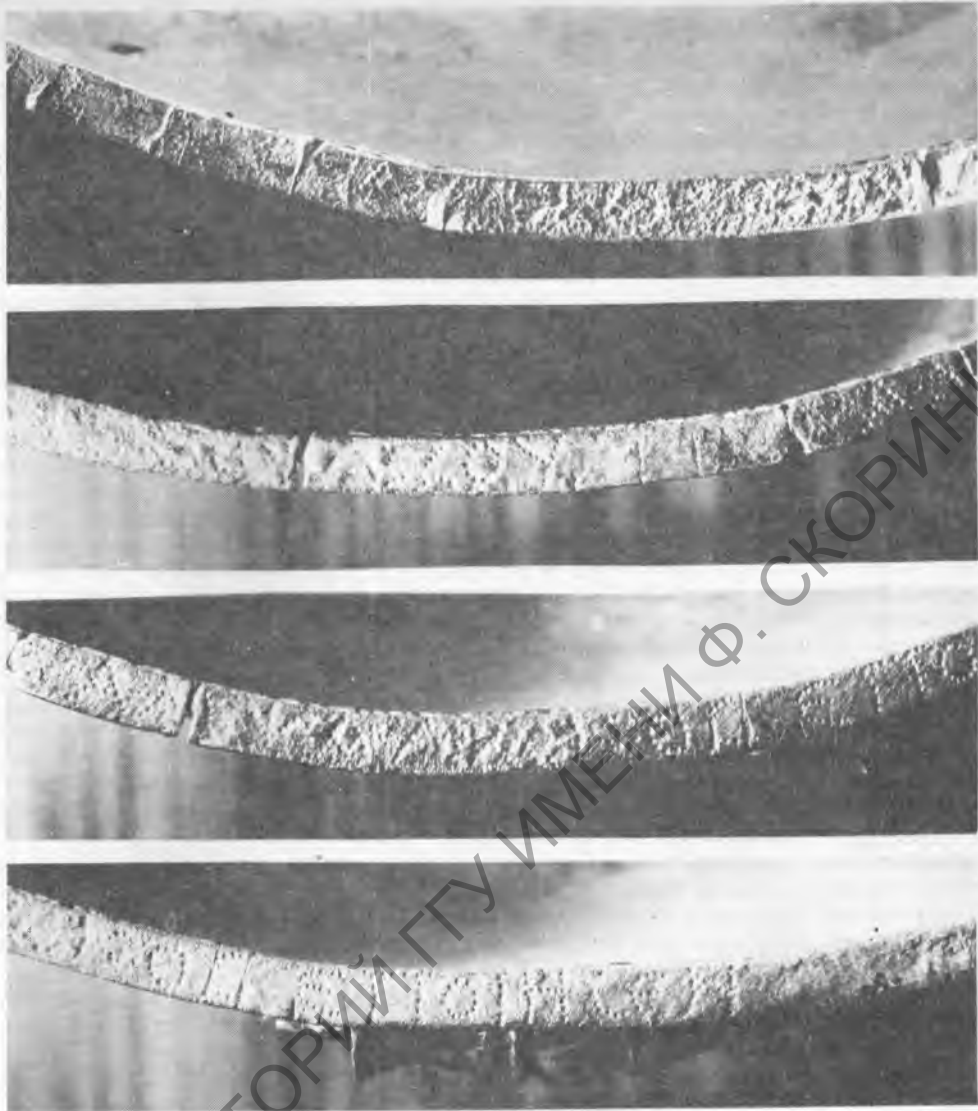

Рис. 2. Детали надписи на закраине серебряной миски

словах. Зато вторая половина надписи, хотя и повреждена местами трещинами (рис. 2), читается, к счастью, вполне удовлетворительно и однозначно (рис. 1):

ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΡΘΕΟΥΑΖΟΥ *vac.* ΑΜΨΑΛΑΚΟΣ ΕΠΟΙΗΣΕΝ.

Судя по форме *альфы* с ломаной перекладиной, *беты* с разновеликими полукружиями, по лунарным *эпсилону*, *сигме* и *омега*, *тете* с поперечной гостой, *дзете* с диагональю, *пи* с горизонтальной гостой, выступающей слева и справа за габариты буквы, *ню* со слегка изогнутой книзу левой вертикалью и диагональю, смыкающейся с серединой правой вертикали, надпись можно достаточно уверенно сопоставить с образцами лапидарного и пунсонного шрифта I в. до н.э. — I в. н.э.³⁹ Как нам предстоит убедиться ниже, эту датировку можно значительно сузить.

³⁹ Ср., например: *Guarducci M. Epigrafia greca. III. Roma, 1978, P. 208. Fig. 60 (prima eta imperiale); Виноградов Ю.Г. Два бронзовых котла с греческими надписями из сарматских степей Донбасса и Поволжья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 38. Рис. 1 (конец I в. до н.э. — первая треть I в. н.э.); Яценко И.В. Тарелка царицы Гепепирии из Неаполя Скифского // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 101 сл.*

Судя по пропавшему перед царским титулом достаточно пространному тексту, он должен был заключать в себе имя адресата либо посвящения, либо — что кажется мне более вероятным — дарения дорогостоящего предмета, а сама надпись построена по формуле: dat. имени и титула (?) адресата дарения + ларά с gen. имени и титула дарителя⁴⁰ + сигнатура мастера. Исходя из этого, я отважился бы предложить следующее восстановление текста: Βασιλεὶ vel σκλητοῦχῳ vel sim. τῷ δεῖνι τοῦ δεῖνος ларὰ βασιλέως Ἀρθεουάζου, vac. Αμψαλακος ἐποίησεν. Перевод: (Царю [скептуху или т.п.] такому-то, сыну такого-то от) царя Артеваса; Амспалак сделал.

Встреченное уже нами иран. ЛИ Ομψαλακος передано на серебряном сосуде из Косики через инициальное А. Подобное чередование а-о не только оправдано лингвистически, но и подкреплено аналогией начала III в. Ουαμψαλαγος (см. выше прим. 37). Если этимология этого имени пока не выяснена⁴¹, то ареал его очерчивается достаточно точно: оно не находит никаких даже отдаленных параллелей с территории самого Ирана⁴², но фиксируется исключительно на широком пространстве сарматских южнорусских степей от Дона до Буга с начала христианской эры до первой трети III в. (см. выше прим. 36, 37). Это заставляет нас видеть в Амспалаке косикской надписи сарматского мастера-торевта, изготовившего и/или украсившего серебряные сосуды сервиза⁴³.

Однако гораздо большим сюрпризом явилось другое имя надписи на сосуде — имя царя Артеваса, переданного Амспалаком в форме Ἀρθεουάζου (nom. -ζης vel -ζος). Иранское имя Artawazdah < *Rta-vazdah⁴⁴ засвидетельствовано в греческой и латинской традиции различными нюансированными формами: Ἀρταουάσθης, Ἀρταβάζης, Ἀρτάβαζος, Ἀρταυάζδου (gen. на монетах), Ἀρταβάσθης, Ἀρτάβασδος, Ἀρδ-βασδος (позд.), Artavasdes, Artabasdes, Artabazus, Artabazdes et al.⁴⁵ Различие между ними и формой в косикской надписи, заключающееся в t=th и e=a, следует признать лингвистически оправданными переходами⁴⁶, особенно в произношении, соответственно графике сарматоязычного мастера. Имя «Артавасд» было традиционным исключительно среди правителей Армении (и Атропатены) и принадлежало многим царям этой страны, из которых по признаку хронологической близости ко времени создания надписи из Косики приведем⁴⁷:

1. Артавасд, сын Тиграна и Зосимы (?), царь Армении; схвачен Антонином в 30 г. до н.э. и казнен Клеопатрой.

2. Артавасд, сын Ариобарзана I, царь Мидии Атропатены, умер около 20 г. до н.э.

3. Артавасд, сын Артаваса, царь Армении, правил крайне непродолжительное время в 1 г. н.э.

4. Артавасд, сын Ариобарзана II, внук предыдущего Артаваса (№ 3), царь Атропатены и части Армении, после непродолжительного правления скончался около 10 г. н.э.

5. Артавасд, сын предыдущего Артаваса (№ 4), не имел царского титула, после детронизации отца жил с братьями и сестрами в Риме, где и умер в возрасте 39 лет⁴⁸.

Следующий по времени армянский царь Артавасд правил в течение нескольких дней в 120 г. н.э.

Как видим, все вышеобозначенные исторически засвидетельствованные Артавасы либо не слишком хорошо приходят к времени изготовления серебряного сосуда и надписи на нем, недалеко отстоящих от момента захоронения в Косике (№ 1 и 2), либо были «калифами на час» и никак не обозначили себя в античной истории (№ 3 и 4), либо не обладали царским титулом (№ 5), к тому же ни для одного из них не засвидетельствовано каких-либо связей с сарматскими племенами.

Однако на Ближнем Востоке в первой половине I в. н.э. произошли однажды события, которые тесно сплели в единый узел судьбы сарматских племен с историей Армении, Парфии и Рима. Воспользовавшись

⁴⁰ Ср. серебряную чашу II в. н.э. из ст. Даховской с пунсонной дарственной надписью SEG XV.838: ларά βασιλέως Πακόρου. Ср. *Vinogradov Ju.G.* // East and West. 1992. V. 42. 1. P. 20. № 4.

⁴¹ См. *Zgusta*. Op. cit. S. 198. § 315.

⁴² См., например: *Mayrhofer M.* Onomastica Persepolitana. Wien, 1973.

⁴³ Подробнее см. *Трейстер*. Ук. соч.

⁴⁴ См. *Mayrhofer*. Onomastica Persepolitana. S. 163. № 8.573; S. 165, № 8.569; S. 167, № 8.617; *idem*. *Germano-Iranica* // Z.f. vergl. Sprachforschung. 1980.84. S. 229.

⁴⁵ См. *Justi F.* *Iranisches Namenbuch*. Marburg, 1985. S. 38 f; ср. *Hübshman H.* *Armenische Grammatik*. Bd I. Lpz., 1897. S. 29 f., № 32. О транскрипции имени см. *Schmitt R.* *Iranische Personennamen auf griechischen Inschriften* // Actes du VIIe Congrès International d'épigraphie grecque et latine. Bucures̄t—Paris, 1979. S. 145 f.

⁴⁶ Благодарю В.А. Лифшица за любезную консультацию.

⁴⁷ Ссылки на источники сведены: *Justi*. Op. cit. S. 38 f. № 6—10; ср. RE. II, 1 (1895). Sp. 1308—1311; PIR I² 1162—1164.

⁴⁸ Известен по его надгробной надписи OGIS 380 = Moretti IGUR 602 = *Buonocore M.* *Le iscrizioni latine e greche*. Musei della Biblioteca Apostolica Vaticana. Vaticano, 1982. P. 57—59. По калькуляции М. Пани, этот Артавасд должен был скончаться около 30 г. н.э. (*Pani M.* *Roma e i re d'Oriente da Augusto a Tiberio*. Bari, 1972. P. 82).

смертью в 35 г. царя Арташеса (Артакия)⁴⁹, парфянский царь Артабан возводит на армянский престол своего сына Аршака, которому спустя какое-то время император Тиберий решает противопоставить свою креатуру — Митридата, родного брата царя Иберии Фарасмана, примирив между собой обоих (Tac. Ann. VI.31.2.5; Dio 58.26.1; Suet. Tib. 41). Родственный альянс, действуя хитростью и насилем (*dolo et vi*), подкупает приближенных Аршака, а те убивают своего хозяина, расчистив таким образом путь крупным иберийским силам для вторжения в Армению и взятия Арташата (Tac. Ann. VI.33.1)⁵⁰. Для гарантии успеха в борьбе за армянский трон против парфян (во главе войска которых на место убитого брата встал Ород) Митридат и Фарасман привлекают силы союзных с ними албанов, а также вооруженные отряды сарматов, которых одновременно пригласили сражаться на своей стороне и парфяне. Сарматские скептухи — как повествует Тацит (Ann. VI.33.2), приняв дары от тех и других, по обычаю своего племени выступили по обе стороны фронта (*sceptuchi utrimque donis acceptis more gentico diversa induere*). Однако хозяева этих мест иберы (*Hiberi locorum potentes*) пропустили в Армению союзных с ними сарматов через Дарьяльский проход (*Caspia via*)⁵¹, перед сарматскими же отрядами, шедшими на подмогу парфянам, они перекрыли все проходы, кроме одного единственного — Дербентского, выводящего к Каспию. Но и им сарматы не сумели воспользоваться, поскольку их дальнейшему продвижению вдоль побережья воспрепятствовали летние северные ветры, нагонявшие массу морской воды на сушу; лишь зимние ветры с того — как замечает историк — отгоняют воду, обнажая узкую, свободную для прохода полосу берега (Ann. VI.33.3.).

Для нашего исследования крайне важно выяснить, кем были упомянутые Тацитом сарматы, которых Иосиф Флавий (Ant. Iud. XVIII.4.4) называет Σκυθάς (лат. пер.: Scythas, позд. греч. рукописи: Ἀλανούς). М.-Л. Шомон полагает, что, возможно, речь шла об «аланах», именем которых в I в. н.э. обозначали определенные группы сарматов (прежде всего аорсов и сираков)⁵². Это предположение следует исключить а priori, поскольку всплывающие в античных источниках после середины I в. н.э. аланы были совершенно особым сарматским племенем, имя которого стало собирательным для других варваров гораздо позднее, когда они во II в. сделали самым грозным противником понтийского эллинизма, закавказских государств и Римской империи (об этом в другом месте). Э. Кёстерман полагает, что Sarmatae у Тацита — собирательное понятие для народностей Юго-Восточной Европы, обитавших севернее Кавказа и в Азии, и только во времени Птолемея получившее более четкие очертания⁵³. Однако единожды встреченный в латинской традиции термин *sceptuchi* вместе с детальным описанием военной тактики сарматов — свидетельства того, что Тацит явно черпал здесь из надежного осведомленного в этногеографии сарматов источника, но — как следует из ремарки *more gentico* — моралистического толка. Акцент отрывка поставлен безусловно на том, что две близкородственные группы сарматов⁵⁴ по вероломному обычаю своего племени приняли дары у тех и у других сражающихся противников и выступили на разных сторонах. Как следует из «Анналов», обе группы почти одновременно подошли к *Caspia via*, следовательно, они обитали поблизости друг от друга. Вместе с тем то обстоятельство, что вышеописанный ветровой фактор

⁴⁹ Э. Домброва стремится аргументировать свою точку зрения, что это случилось в 34 г.; *Dąbrowa E. La politique de l'état parthe à l'égard de Rome — d'Artaban II à Vologese I (ca 11 — ca 79 de n.é.) et les facteurs qui la conditionnaient. Krakow, 1983. P. 108 suiv.*

⁵⁰ Источники по истории парфяно-иберийской войны наиболее подробно и добросовестно изложены: *Chaumont M.-L. L'Arménie entre Rome et l'Iran // ANRW. II.9.1 (1976). P. 88—92*. Лишь в этом месте исследовательница проявила непонимание контекста Тацитовых Анналов: Митридат не заполучил *dolo et vi* поддержку Фарасмана, а «поднял его способствовать своим замыслам коварством и силой» (*Mithridates Pharasmanem perpulit dolo et vi conatus suos iuvare*).

⁵¹ Tac. Ann. VI.33.3. Исследователями подмечена распространенная у древних ошибка называть термин *Caspia via*, *claustra Caspiarum*, *Caspiae portae* не Дербентский, а Дарьяльский проход, связывающий Иберию с Северным Кавказом, в то время как его более точным названием было *Caucasiae portae*, Σαρματικῆς διώχης и *Dar-i-Alanan* («ворота аланов» = Дарьял). Подробнее см. *Koestermann E. Cornelius Tacitus. Annalen. Bd. II. Heidelberg, 1965. S. 321, comm. ad loc; Chaumont. Op. cit. P. 89*. Здесь интересно привести еще одно свидетельство, никогда не обращающее на себя внимание в этой связи. Хорошо осведомленный в политических событиях Сенека, бывший в 37—41 гг. сенатором и квестором и, возможно, даже лично знакомый с иберийским царем Митридатом, заключенным Калигулой в римскую темницу (*Sen. de tranqu. animi 11.12: inter Gaianas custodias*; см. ниже), в трагедии «Фиест» в ряду могущественнейших царей упоминает тех, «кто каспийские горные кражи открывает храбрым сарматам» (*Sen. Thyest. 374 sq.: qui Caspia fortibus recludunt iuga Sarmatis*). Вполне вероятно, что в этом замечательном pendant к сообщению Тацита по поэтическим и/или метрическим соображениям Сенека заменил исторически более правильное *Caspia via* на *Caspia iuga*.

⁵² *Chaumont. Op. cit. P. 88 suiv.*

⁵³ *Koestermann. Op. cit. S. 321, comm. ad VI.53.2.*

⁵⁴ В согласии с моралистической тональностью пассажа Тацит изображает их как единое племя; ср. чуть ниже употребление им коллективного *sing. Sarmatam* (Ann. VI.33.3.).

закрыв сарматским союзником парфян путь через Дербент на каспийское побережье и вынудил их повернуть восвояси, а сарматские наемники иберов проникли в Армению через Дарьял, уверенно позволяет искать исконную зону обитания тех и других сарматских племен не на Нижней Волге в Прикаспии, а на Северном Кавказе, где Страбон (XI.5.8) размещает сираков и нижних аорсов. Дальнейшая судьба призванных иберийскими царями сарматов, последующие пути их продвижения с учетом расстановки варварских сил в боспорской войне 45—49 гг., излагаемые ниже, дают, как мне кажется, полное право видеть в этой группе сарматских племен аорсов, обретавшихся близ устья Танаиса и на землях восточного берега Меотиды.

Ход парфяно-иберийской войны, красочно описанное закончившееся победой иберов сражение, решающую роль в котором сыграли сарматы, последующие безуспешные — вследствие вмешательства Рима — попытки парфянского царя Артабана вернуть власть над Арменией, его борьба с внутренней оппозицией подробно изложены Тацитом⁵⁵. В итоге всех перипетий еще в 35 г. на армянском троне прочно утвердился Митридат Иберийский. Его царствование продолжалось, однако, недолго: вскоре после своего прихода в 37 г. к власти Калигула отзывает Митридата в Рим, где заключает его в оковы⁵⁶. Освобожден был иберийско-армянский царь по одному из первых, видимо, распоряжений нового императора Клавдия, отменившего после востшествия в январе 41 г. на престол все сумасбродные постановления предшественника (Suet. Claud. 11.3)⁵⁷. Воспользовавшись тем, что Парфия после смерти Артабана была раздираема борьбой его сыновей за трон (Тас. Анн. XI.8.1), Клавдий посылает Митридата в Армению, где тот при поддержке, с одной стороны, римских легионов, а с другой — иберийского воинства в итоге решительного сражения с войском армян, которыми предводительствовал префект Демонакт (Demonacte praefecto), окончательно возвращает себе армянскую тиару, чему не могла воспрепятствовать даже попытка вмешательства со стороны правителя Малой Армении Котиса (Тас. Анн. XI.8.1, 9.1—3).

Какой политический курс выбрала Армения и кто правил страной в период между дезавуированием Митридата и его возвращением из Рима, т.е. около 37—41 гг., скрыто от нас досадной лакуной в пропавших книгах VII—XI (первая половина) Тацитовых Анналов, породившей различные умозрительные построения современных историков. Армянские исследователи высказали гипотезу о том, что praefectus Demonax у Тацита — это грецизированная передача имени представителя знатного армянского рода Димаксианов, зафиксированного средневековыми источниками, откуда следовало бы, что в отсутствие Митридата страной управлял армянский вельможа⁵⁸. Однако наибольшее признание получила версия, согласно которой Демонакт — возможно, армянских кровей — был парфянским ставленником⁵⁹, управлявшим Арменией как вице-король со статусом наместника одной из префектур⁶⁰. Иными словами, не смущаясь отсутствием прямых показаний источников, почти все единодушно констатировали, что после отъезда Митридата Иберийского в Рим Армения вновь оказалась на время под политической юрисдикцией парфянских царей. В поддержку этого умозаключения привлекалось одно указание Иосифа Флавия о даровании Артабаном незадолго до его смерти в 38 г. армянской области Нисибы своему вассалу Изату II, правителю Адиабены⁶¹. Однако историческая справка Иосифа Флавия свидетельствует скорее не в пользу, а против такого заключения, так как автор прямо говорит о том, что территория Нисибы была отторгнута (букв. «отрезана») Артабаном у армянского царя (τὴν τοῦ Ἀρμενίων βασιλέως ἀποτερόμενος). Отсюда бесспорно следует, что после дезавуирования Гаем Митридата Арменией правил независимый от парфян собственный монарх, который, однако, не обладал достаточными силами, чтобы воспрепятствовать попыткам парфян аннексировать части ее суверенной территории. В унисон с этим звучат и слова Тацита: «Армяне перестали сопротивляться после поражения в битве, которую решил дать префект Демонакт»⁶², из чего следует, что вернувшемуся Митридату пришлось сражаться за трон не с парфянской креатурой Демонактом, а с силами суверенного правителя Армении, которыми командовал praefectus (военачальник, а не просто сатрап — наместник префектуры) Demonax.

⁵⁵ Tac. Ann. VI.34—37. Cp. *Ios. Flav. Ant. Iud.* XVIII. 2.4; 4.4.5; *Suet. Calig.* 14.3; *Vitell.* 2.4; *Dio.* 59.27.2.

⁵⁶ *Seneca. de tranqu. animi* XI.12. Cp. *Tac. Ann.* XI.8.1.; *Dio.* 60.8.1.

⁵⁷ Тацит (Ann. XI.8.1) упоминает об этом ретроспективно при изложении событий 47 г. (см. *Koestermann E. Op. cit.* Bd III. Heidelberg, 1967. S. 41 f., comm. ad 8.1); Дион Кассий (60.8.1) прямо относит это к самым первым мероприятиям Клавдия. О разных датировках события в современной историографии см. *Chaumont. Op. cit.* P. 92. Not. 112.

⁵⁸ История армянского народа. Т. I. Ереван, 1971. С. 723 сл. Указанием на эту работу и переводом с армянского языка я обязан А.М. Акопяну.

⁵⁹ *Stein A. Demonax // RE.* V. 1 (1903). Sp. 144; *Magie D. Roman Rule in Asia Minor.* V. I. Princeton — New Jersey, 1950. P. 551; *Chaumont. Op. cit.* P. 92; *Karras-Klapproth M. Prosopographische Studien zur Geschichte des Partherreiches auf der Grundlage antiker literarischer Überlieferung.* Bonn, 1988. S. 52.

⁶⁰ *Koestermann. Op. cit.* Bd III. S. 44, comm. ad. XI.9.2.

⁶¹ *Ios. Flav. Ant. Iud.* XX.3.3. Cp. *Chaumont. Op. cit.* P. 91.

⁶² *Tac. Ann.* XI.9.2; *Nec enim restitere Armenii, fuso qui proelium ausus erat Demonacte praefecto.*

Восполнить потерянную с утратой четырех с половиной книг *Анналов* Тацита информацию и в общих чертах решить проблему политического устройства Армении около 37—41 гг. в состоянии, как мне думается, погребальный комплекс из Косики. Яркое окрашенный переднеазиатскими художественными влияниями стиль сарматского мастера-торевта Амсалака в купе с примерной датой изготовления и украшения им предметов сервиза, наиболее заметный сосуд которого несет дарственную надпись правителя с однозначно армянским царским именем «Артевасд», а также некоторые размышления о военно-политической ситуации на Ближнем Востоке в указанный период позволяют мне предложить несколько иную реконструкцию событий (рис. 3).

Призванные в 35 г. в союзнники иберийскими царями сарматские вооруженные отряды, скорее всего, нижних аорсов вслед за окончательной победой над парфянами не покинули Армению, но остались служить наемниками у Митридата. После его заточения в 37—38 гг. в римскую темницу в стране наступило *interregnum*, которым Артабан не сумел в полной мере воспользоваться, поскольку его Парфия находилась в состоянии глубокого политического кризиса, так что самому царю пришлось — скрываясь от заговоров оппозиции — дважды искать политического убежища: сначала у дахов в Гиркании, а вскоре у Изата в Адиабене⁶³. К тому же трудно было ожидать от такого своенравного императора, как Калигула, пассивности в подобной критической ситуации, когда наипервейший враг Империи — парфяне попытались бы вопреки его воле решительно изменить расстановку сил на Востоке. Пользуясь благоприятной ситуацией, армянская знать выдвинула на трон представителя династии Арташесидов — Артевасда, интронизация которого, разумеется, должна была быть санкционирована Гаем. Сарматские скелтухи со своими отрядами, продолжавшие оставаться наемниками у нового армянского царя, получали жалование в виде даров, литературно засвидетельствованных Тацитом (*Ann. VI.33.2.; scertuchi... donis acceptis*), а в материальном воплощении — сервизом из Косики⁶⁴.

⁶³ См. *Chaumont. Op. cit. P. 90 suiv.*

⁶⁴ Это был один из способов обогащения сарматских вождей, другой доставляла им так называемая «караванная торговля», о которой сообщает Страбон (XI.5.8): «Ибо они [т.е. аорсы] владели большей территорией и распоряжались почти что большей частью каспийского побережья, так что ввозили (*ἐνέλορεῦοντο*) на верблюдах индийские и вавилонские товары, принимая их (*διὰ δόχουνοι*) от армян и мидийцев. Благодаря такому обилию доходов (*διὰ τὴν εὐλορίαν*) они носили золото». Здесь кажется уместным развести одно стародавнее, бытующее с легкой руки как переводчиков (П.И. Прозоров, Г.А. Стратановский), так и интерпретаторов данного пассажа Страбона (из последних: *Лукьяшко С.И. О караванной торговле аорсов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 161—165*) заблуждение, будто аорсы «занимались посреднической караванной торговлей между Закавказьем и районами Индо-Иранского нагорья, с одной стороны, и сарматскими племенами Волго-Донских степей — с другой». Такое толкование приходит в противоречие, во-первых, с представлениями самого Страбона, отмечавшего примитивный характер обмена номадов натуральными продуктами собственного производства. Например, о Танаисе им сказано (XI.2.3): «Это был общий торговый центр азиатских и европейских чочевников, с одной стороны, и прибывающих на кораблях в озеро с Боспора, с другой; первые привозят рабов, кожи и другие предметы, которые можно найти у кочевников...» (пер. Стратановского). Во-вторых, такое понимание справки-парентезы в XI.5.8 лишь формально согласуется со словоупотреблением автора, который недаром использовал более нейтральные и полисемантические глаголы: *ἐπλορεύουσι* (не только «торговать», но и «ввозить к себе, импортировать») и особенно *διὰ δόχουσι* («воспринимать у кого-то, принимать из чьих-либо рук») вместо, к примеру, однозначных — *πράττειν*, *ἄνευσι*, *ἀγοράζω*. Прояснить реальную ситуацию помогает другой рассказ Страбона (XVI.1.27) о караванах купцов, тянувшихся через пустыню из Сирии в Селевкию и Вавилон. Местные племена «скениты обеспечивают им как безопасность (*τὴν ἐρήνην*), так и гарантируют умеренность взимания пошлин, в то время как из соседних, живущих вдоль Тигра филархов каждый взимает с них на своей таможе неумеренную дань. Правильное решение загадки сарматской «караванной торговли» с присущей ему пророческой дивинацией нащупал уже М.И. Ростовцев (Эллинизм и иранство на Юге России. Пг., 1918. С. 130): «Придонские аорсы считались очень богатым племенем. Оружие и одежда их покрыты были золотом. Богатство их было результатом того, что они заняли старый вышеупомянутый торговый путь из Индии и Вавилонии через Мидию и Армению к Танаису. Платежи купцов [!!!] давали им большие средства и позволяли им щедро платить боспорским грекам за вино, одежду и драгоценные вещи». Таким образом, подобно месопотамским скенитам аорсы (причем, согласно Страбону, не только нижние, но и верхние — прикаспийские) не занимались сами торговлей на верблюдах, но лишь конвоировали прибывшие из Индии и Переднего Востока через Мидию и Армению караваны по южно-русским степям, получая за это вознаграждение не только для покупки в боспорских городах предметов роскоши, но и в качестве пошлины и платы за обеспечение безопасности — сами эти драгоценные вещи в полихромном стиле восточного производства. Высказанную интерпретацию разделяет В.К. Гугуев (Кобяковский курган // ВДИ. 1992. № 4. С. 127).

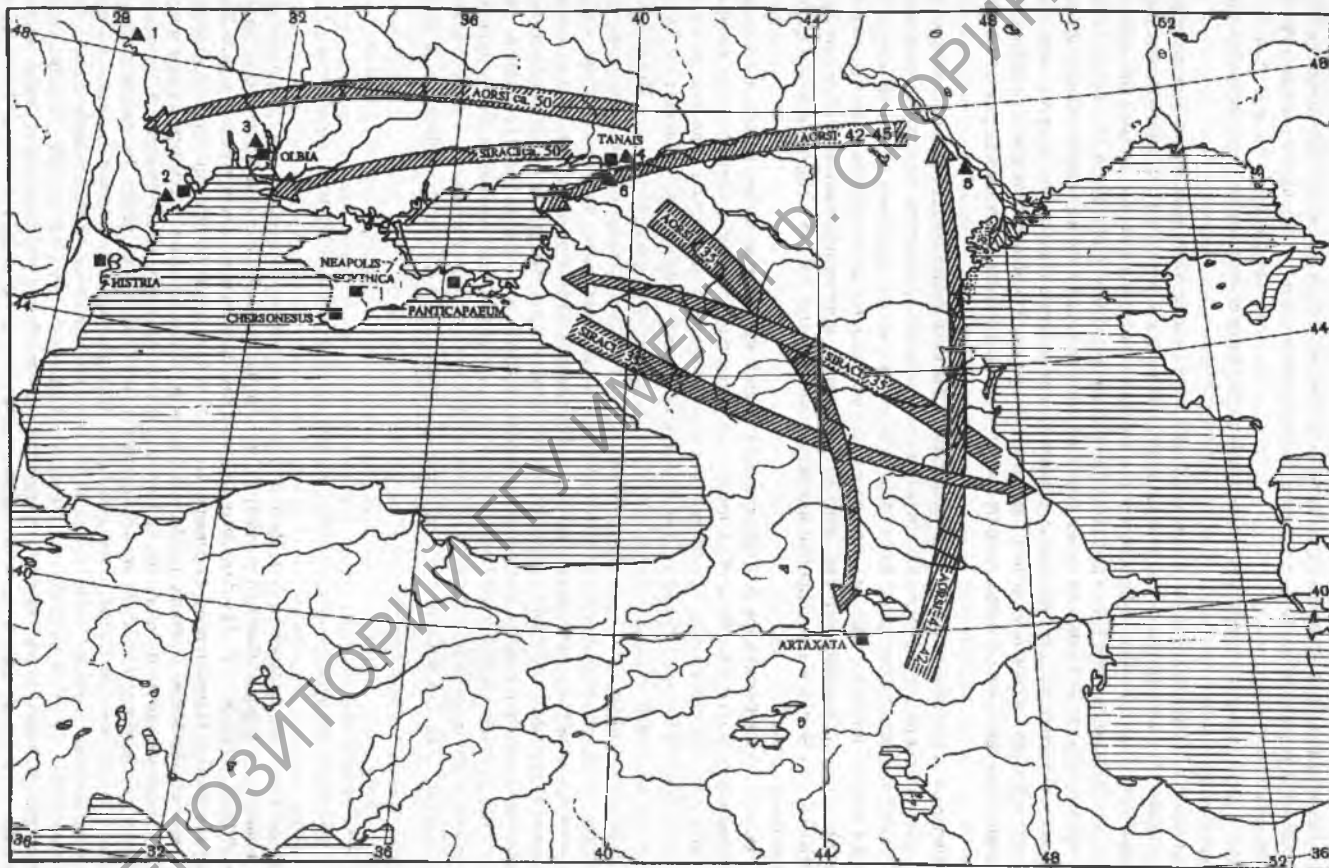

Рис. 3. Передвижение племен сарматов и сарматские погребальные комплексы I в н.э.: 1 — Пороги, 2 — Михайловка, 3 — Соколова могила, 4 — Кобяково, 5 — Косика, 6 — Высочино

Талантливый мастер Амспалак, овладевший за годы пребывания в Армении искусством изображать фигурные композиции сообразно вкусам знатных сарматских заказчиков, получая из царской сокровищницы либо готовые античные вазы (миску, фиалу, пиксиду?), либо просто драгоценный металл в слитках и монете, первые старался покрыть золотыми аппликациями с гравированными терио- и антропоморфными образами, а из сырья — изготовить такие типичные сарматские формы, как ритуальный кубок, украшенный не лишённым религиозно-символического смысла картинами любимых занятий сарматских вождей — охоты и сражений⁶⁵. Батальные сцены на косикском кубке невольно вызывают в памяти красочное описание решающей битвы сарматов с парфянами у Тацита (Ann. VI.35). Наиболее видный из этих даров (dona) предмет мастер помечал дарственной надписью армянского царя и своей сигнатурой.

Возвратившийся вскоре после 41 г. на плечах римских легионов Митридат начал при поддержке иберийского войска Фарасмана борьбу за возвращение престола с Артевасдом, чьими вооруженными силами командовал префект Демонакт. Не исключено, что сарматы остались верны Арташесиду, сражаясь на его стороне, после же окончательного разгрома армянской армии они ушли зимой 41—42 гг. (?) через Дербентский проход по землям их бывших союзников албанов на север к своим соплеменникам верхним аорсам узкой полосой каспийского побережья, обнажившейся из-за сгона воды зимним ветром с юга. Здесь, в низовьях Волги вскорости и скончался один из их скептухов, унеся с собой в могилу вместе с драгоценной утварью бесценные свидетельства участия сарматов в напряженных событиях истории Переднего Востока 35—42 гг.

Однако «гостить» танаисским аорсам у родственников на Нижней Волге пришлось недолго: через два-три года они снова оказались активными участниками вооруженного конфликта, разгоревшегося между претендентами на боспорский престол братьями Митридатом III и Котисом, вовлеченными в междоусобицу как местные варварские племена, так и римские вооруженные силы. Не имеет смысла подробно излагать перипетии этой борьбы, прелюдия которой описана в несколько коррумпированном сообщении Петра Патрикия (FHG IV. P. 194 sq.), а ход подробно изложен Тацитом (Ann. XII. 15—21); припомним поэтому лишь основные ее моменты⁶⁶.

В 37/38 г. умирает боспорский царь Аспург, предоставивший, как сказано выше, режим наибольшего благоприятствования сарматам и возведший на престол Скифского царства своего ставленника Ходарза, а может быть, еще его отца Омспалака. Скончавшегося родоначальника сарматской династии сменила на Боспоре его вдова Гепепирия, правившая единолично или в качестве регентши сыновей около года. Однако в то же время тот же самый Калигула, который низвел с армянского трона Митридата Иберийского, назначает боспорским правителем своего соопитанника фракийского царевича Полемона II, приходившегося, по всей видимости, родным братом Гепепирии (см. выше). Ревизия одного эпиграфического документа из Херсонеса (IOSPE I².419) привела меня к заключению, что — вопреки *opinio communis* — Полемон не смирился с тем, что Боспор после смерти Аспурга продолжал находиться в руках законных наследников последнего, но решился либо в год единоличного правления Гепепирии, либо с воцарением в 39 г. ее сына Митридата III (VIII) отвоевать дарованный ему волею сената и принцепса боспорский домен силой оружия при поддержке частей римской мезийской армии и вспомогательного отряда херсонеситов⁶⁷. Не исключено, что с этой борьбой была связана отправка в Неаполь к своему

⁶⁵ Подробнее см. *Трейстер*. Ук. соч.

⁶⁶ События этой войны многократно обсуждались в литературе, см., например: *Gajdukevič*. Op. cit. S. 341—343.

⁶⁷ *Виноградов*. Полемон, Херсонес и Рим. Нельзя не отметить, что изложенная реконструкция событий тут же была подвергнута кардинальному пересмотру С.Ю. Сапрыкиным (Из истории Понтийского царства Полемонидов // ВДИ. 1993. № 2. С. 34—43), который, целиком принимая мое перечтение надписи IOSPE I².419, предлагает связать вытекающую из ревидированного текста военную помощь херсонеситов царю Полемону II и наместнику Мёзии с римско-парфянской войной 62 г. в Армении. Несмотря на развернутую и, казалось бы, солидную аргументацию, она не выдерживает критики ни в негативистской, ни в реконструктивной частях прежде всего из-за обилия внутренних логических противоречий. Выдвигаю гипотезу о длительной (1—1,5 года) поездке Котиса в Рим (помпезно обставленное путешествие Тиридата к Нерону длилось, как известно, всего полгода!) для получения из рук Гая прав на престол М. Армении (почему тот в кизикской надписи IGRR IV 147 и не назван царем), С.Ю. Сапрыкин полностью игнорировал выдвинутое мною иное объяснение: легитимными правителями соопитанники Калигулы становились лишь после их интронизации на месте, почему и Полемон II не имел права титуловать себя царем Боспора. Замечанию же автора о том, «что при Калигуле средний сын Трифены мог не иметь царского титула» (с. 39), противоречат обсуждаемые им самим на с. 35—36 надписи кизикцев, где те именуют его с полным правом (как и херсонеситы) царем, а затем царем Понта. По вышеизложенной причине монеты Полемона II без царского титула в контраргументации ровно никакой роли играть не могут. Не противоречат предложенной мною реконструкции и политическая ситуация на Нижнем Дунае. Если отрешиться от умозрительных рассуждений С.Ю. Сапрыкина (с. 40) о том, кто мог, а кто не мог санкционировать

скифо-сарматскому вассалу боспорских даров с вероятной просьбой об оказании им военной помощи в борьбе с Полемоном⁶⁸.

Прикидывавшийся поначалу другом римского народа Митридат III в 44/45 г. перешел к активной с ним конфронтации. Для того чтобы скрыть свои замыслы о приготовлениях к войне с римлянами, он отправляет в Рим послом Котиса, который вместо того, чтобы успокоить Клавдия, выдает ему преступные планы своего брата, вследствие чего становится по воле цезаря боспорским царем и на плечах римских легионов во главе с Дидием Галлом и Г. Юлием Аквиллой вступает в Пантикапей. Для борьбы с бежавшим на Азиатский Боспор к своим союзникам сиракам Митридатом III Котис и римляне ангажируют Евнона — царя аорсов, конница которого постоянно теснит к северу своими атаками войско сиракского царя Зорсина, поддержавшего Митридата, в то время как объединенная армия Котиса и римлян осаждает города. Первой пала расположенная в земле дандариев Соза, затем наступила очередь лежащего за рекой Пандом на расстоянии трех дней пути от Танаиса сиракского города Успы, осажденного боспорско-римским войском и — несмотря на просьбу о пощаде его жителей, предлагавших в виде выкупа 10 тыс. рабов, — немилосердно разгромленного и разграбленного в 49 г. армией Котиса и Аквилы. Митридат попросил убежища у царя аорсов Евнона, который после некоторых переговоров с римлянами выдал мятежного боспорца на условиях сохранения ему жизни прокуратору Понта Юнию Цилону, препроводившему его в Рим, где тот оставался жить до своей казни за участие в заговоре Нимфидия 68 г. Таким образом, иберийско-парфянский сценарий точь в точь был повторно разыгран спустя 10 лет после войны в Армении: опять родственные сарматские племена аорсов и сираков по коварному *more gentis* выступили по разные стороны линии фронта союзниками раздувших междоусобицу царственных особ. Подобный *modus agendi* сарматов не замедлил обернуться самыми серьезными последствиями.

Нельзя не согласиться с высказанным недавно остроумным соображением о том, что «аорсо-сиракский конфликт, возможно, нарушил неустойчивую стабильность сарматского мира и заставил ряд групп сарматского населения двинуться на запад, подталкивая и вовлекая в движение новые группы»⁶⁹. Резкое изменение этно-политической карты около середины I в. н.э., спровоцированное спонтанным демографическим всплеском в варварском мире, фиксируется прежде всего по данным античной литературной традиции. В «Географии» Страбона, последние дополнения и поправки в которую вносились около 20 г. н.э.⁷⁰, область обитания аорсов (нижних и верхних) помещена на территории между Танаисом и Северным Прикаспием, южнее их — в Предкавказье локализованы сираки (Strabo. XI.5.7—8), а междуречье Дуная и Днепра отведено географом языгам, царским сарматам, ургам, бастарнам и роксоланам, земли последних простирались и далее к востоку до Танаиса (VII.3.17).

поддержку римскими легионами Полемона в его борьбе за боспорский престол, в нашем распоряжении останется один неоспоримый документальный факт (отмеченный, кстати, и самим критиком): еще до 44 года Мартий Машер, не будучи наместником Мёзии, именуется в одной надписи «легатом Тиберия Клавдия Цезаря (Августа) пропреторского ранга провинции Мёзии», что равнозначно греческому дублету *ἡγεμὼν Μυσίας*. Кроме всего прочего, автор обошел и заостренный мною вопрос: почему своенравный и вспыльчивый Калигула несколько лет пассивно взирал на грубое попирание его воли, а Полемон не предпринял для ее исполнения никаких усилий? Серьезные, непреодолимые противоречия порождает, как раз напротив, новая реконструкция как с эпиграфической, так и с исторической стороны. Во-первых, если херсонеситы отправили свой вспомогательный отряд невероятно сложным путем (через Мёзию, затем Понт на край света в Армению, в чем у них не было ровным счетом никакого интереса) на подмогу именно римским легионам Корбулона, то почему же в высеченном ими почетном венке «гегемон Мёзии» уступает все-таки первое место царю Полемену, хотя последний не имел никакого отношения к командованию римской армией? И наконец, реально ли была подобная военная акция Херсонеса именно в 62 году, когда перед воротами города стояло полчище скифов, угрожая нападения которых он не мог протерпеть собственными силами, но уже в следующем 63 году (или чуть позже) был вынужден обратиться за подмогой к *легату Мёзии* Плавтию Сильвану?! Все сказанное не позволяет признать опубликованную работу конструктивной критикой, но заставляет считать не более чем очередным опытом ноторной иконокластики.

⁶⁸ См. Яценко. Ук. соч. С. 101—113. Ср. Виноградов. Полемон... С. 139.

⁶⁹ Шукин. На западных границах Сарматии. С. 43 сл. В другой работе (Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе // СА. 1989. № 1. С. 78 сл.), исходя из ареала находок украшений восточного стиля, тот же автор склонен полагать, «что и сам сирако-аорский конфликт не был начальным звеном в цепи событий... Начало же цепи следует искать где-нибудь на востоке», где определенные силы «подтолкнули носителей бирюзово-золотого стиля на запад». Однако, как я старался показать выше (прим. 64), совсем не обязательно заставлять носителей полихромного стиля двигаться на запад в «арьергарде сарматского потока»: сарматы Северного Причерноморья могли быть просто реципиентами ювелирных изделий этого стиля, получая их через посредничество караванных купцов.

⁷⁰ Грацианская Л.И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. 1986. М., 1988. С. 32.

Совершенно иную диатезу сарматских племен рисует Плиний. «Естественная история» которого, как известно, увидела свет после гибели энциклопедиста в 79 г. В IV книге он помещает аорсов-гамаксобиев (Hamaхobii aut Aorsi) вместе с роксоланами и аланами вдоль побережья Черного моря⁷¹ к северу от Истра (Plin. NH IV.80), а языгов передвигает далеко на северо-запад за Данубий до Карнунта и границы германцев (ibid.), сираки же, по сведениям Плиния, обитают близ Ахиллодрома, т.е. на нижнеднепровском Левобережье (NH IV.33)⁷². Однако в VI книге Плиниевой энциклопедии аорсы оказываются в зоне Каспийского моря (NH VI.39), т.е. именно там, где их помещает Страбон. То же распределение mutatis mutandis дублируется и у Птолемея, который, видимо, активно использовал труд Плиния; согласно Ptol. III.5.7—10, гамаксобии, в число которых входили мелкие народы и среди них аорсы, обитают в Европейской Сарматии; в другом же месте «Географии» (VI.14.9—10 и 13) аорсы и аланорсы упоминаются в связи со Скифией, расположенной за горой Имаем, т.е. на Нижней Волге и в Западном Прикаспии⁷³.

Известно, из сколь надежных и аутентичных источников черпал Плиний сведения о сарматах южно-русских степей: с одной стороны, это проживавший в 49—68 гг. в Риме только что упомянутый боспорский царь Митридат III, сражаясь на стороне которого сираки потерпели поражение от аорсов, а с другой — наместники Мёзии Флавий Сабин и Т. Плавтий Сильван, чьим легионам неоднократно приходилось сталкиваться с различными сарматскими племенами⁷⁴. Из сопоставления свидетельств Страбона с показаниями Плиния и Птолемея закономерно вытекают следующие выводы. Ко времени написания «Естественной истории» этно-политическая ситуация в Северном Причерноморье существенно изменилась вследствие того, что около середины I в. отдельные группы сарматских племен — аорсов и сираков откочевали с берегов Танаиса и Меотиды далеко на запад, в Буго-Днестровское междуречье и Нижнее Поднепровье, где их присутствие фиксируется археологически⁷⁵. Сарматские погребения достаточно плотным кольцом охватывают нижнеднепровские скифские городища, которые от этого переселения не пострадали, но были лишь спешно укреплены, откуда напрашивается заключение об установлении аорсами (вместе с сираками?) трибутивного протектората над поздними скифами⁷⁶. Иной была судьба языгов, вполне возможно, вынесенных сарматским передвижением за Карпаты, где их конница в 50 г. сражалась на стороне предводителя квадов Ванния против сил гермундуров и лугиев (Tac. Ann. VII.29—30).

Возвращаясь к Плинию, мы можем уверенно сказать, что в IV книге им зафиксировано недавнее расселение аорсов и сираков, информация о котором была получена им из первых рук от очевидцев — римских легатов провинции Мёзии. В VI же книге писатель не просто отдал должное старой «Страбоновой» традиции, использовав одновременно и устаревшие к тому времени услышанные им от Митридата III сведения образца до 49 г., но вполне возможно, объективно отразил реальный факт пребывания оставшейся части аорсов на старых квартирах, где их позже фиксирует Клавдий Птолемей как отчасти самостоятельное, отчасти уже смешавшееся с аланами племя.

О том, в какой связи и когда упомянутому выше наместнику провинции Мёзии Тиберию Плавтию Сильвану Элиану пришлось столкнуться с сарматскими народами, оповещает нас знаменитый элогий, высеченный на его фамильной усыпальнице в Тибуре близ Рима (CIL XIV.3608=Dessau 986). Первым из перечисленных в его тексте деяний этого выдающегося государственного мужа (сткк. 9—13) названо переселение им в провинцию более 100 тыс. задунайских варваров с их женами, детьми, вождями и царями для того, чтобы сделать их данниками империи (ad praestanda tributa). Вполне возможно, как отмечалось⁷⁷, это были племена, искавшие убежища от угрозы нашествия воинственных сарматов с востока. Когда была предпринята эта акция? До сих пор бытует мнение о том, что это произошло сразу же после назначения Плавтия Сильвана легатом провинции пропреторского ранга в 57 г.⁷⁸, однако после солидной

⁷¹ Ср. Симоненко А.В. Фарзой и Инисмей — аорсы или аланы? // ВДИ. 1992. № 3. С. 160.

⁷² Непонятно, на каком основании М.Б. Шукин (На западных границах Сарматии. С. 40), цитирующий это место «Естественной истории», переселяет сираков из района Гилев в Крым.

⁷³ Ср. Nicolai R. Un sistema di localizzazione geografica relativa. Aorsi e siraci in Strab. XI 5.7—8 // Strabone. Contributi allo studio della personalità e dall'opera. V. I. Perugia, 1984. P. 120—122.

⁷⁴ См., например: Скржинская М.В. Северное Причерноморье в труде Плиния «Естественная история», Киев, 1977. С. 9 сл.

⁷⁵ Подробнее см. в работах М.Б. Шукина, указанных в прим. 69. Аналогичный вывод высказан ранее в статьях: Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. — I в. н.э. // АСГЭ. 1974. 16; Conole P., Milns R.D. Neronian Frontier Policy in the Balkans: The Career of Ti. Plautius Silvanus // Historia. 1983. 32. P. 187.

⁷⁶ См. Шукин. На западных границах Сарматии. С. 41, сл., 44; автор ставит, однако, вопрос о «добровольном политическом подчинении». О системе варварского протектората см. ниже.

⁷⁷ Zawadski T. La legation de Ti. Plautius Silvanus Aelianus en Mesie et la politique frumentaire de Neron // Parola del Passato. 1975. 30. P. 62; Шукин. На западных границах Сарматии. С. 44; он же. Сарматы на землях... С. 79.

⁷⁸ См., например: Hofmann M. s.v. Plautius (47) // RE. XXI.1 (1951) Sp. 36; Шукин. На западных границах Сарматии. С. 44.

аргументации А. Штайна⁷⁹ мало у кого осталось сомнений в том, что его назначение состоялось в 60 г.⁸⁰; в таком случае данное предприятие следует отнести к этому или следующему году.

Вторым по порядку в списке деяний мезийского наместника идет подавление сарматского выступления, описанное в элгии следующими словами (сткк. 13—15): «Он подавил возникшее движение сарматов, хотя большую часть войска он отправил в поход в Армению». Очевидно, с этой непосредственно связана и следующая заслуга Плавтия Сильвана (сткк. 16—18): «Ранее неведомых и враждебных римскому народу царей он привел на берег реки (т.е. Дуная), который ему подчинился, для того чтобы они поклонились римским военным значкам». Умирение сарматов надежно датируется 62 г. по упоминанию об отправке в Армению на поддержку Цезеннию Пету одного из трех легионов Мезийской армии — V Македонского. В противоположность точной датировке вопрос о том, кем были эти возмущившиеся сарматы, вызвал большие разногласия в науке. В следующих клаузулах эпитафии (сткк. 18—22) повествуется о том, что Плавтий Сильван «царям бастарнов и роксоланов вернул сыновей, а царям даков их братьев, взятых в плен или вырванных из рук врагов. У некоторых из них он взял заложников; тем самым он укрепил мир в провинции и раздвинул его (т.е. за ее пределы)»⁸¹. На основании этого сообщения был сделан правильный вывод о том, что роксоланы не могли быть теми сарматами, которые выступили противниками римского оружия⁸². Отсутствие прямых показаний источников породило в историографии различные спекуляции: в восставших сарматах узнавали либо аланов⁸³, либо языгов в союзе с аорсами или одних аорсов⁸⁴. М.Б. Щукин развил недавно оригинальную версию, согласно которой упомянутые в элгии Плавтия Сильвана сарматы были подданными царства Фарзоя, а под их «волнениями» следует понимать само «возникновение этого царства с явной антиримской направленностью»⁸⁵ или даже сам выпуск Фарзоем золотых монет⁸⁶. Исследователь намечает «две коалиции — римляне поддерживали бастарны, даки и роксоланы, а противниками их выступали сарматы [царства Фарзоя. — Ю.В.] и скифы»⁸⁷. Автор не уточняет ближе этническую принадлежность сарматов Фарзоя, однако недавно было предложено считать их переселившимися в Нижнее Побужье сираками⁸⁸.

Рискванность всех этих умозрительных гипотез продемонстрировал один недавно найденный чрезвычайно важный эпиграфический документ, который подтвердил лишний раз достоверность этнополитических свидетельств IV книги Плиниевой энциклопедии. Речь пойдет о большом фрагменте высеченного на мраморной плите почетного декрета, обнаруженном в 1984 г. при раскопках средневековой базилики у Мангупа в Крыму⁸⁹. От псефизмы сохранилось чуть больше правой половины 23 строк мотивировочной части. По палеографии и ряду языковых особенностей позднего койне документ не должен выходить за пределы I в. н.э., что полностью подтверждает одно прямое историческое указание (см. ниже). К сожалению, имя чествуемого лица не сохранилось, однако гораздо важнее было бы выяснить имя издавшего данное постановление полиса, откуда плита с его текстом была перетащена в Мангуп. Боспорское царство и Херсонес сразу приходится исключить: первое — потому что в документе неоднократно упоминается $\tau\eta\ \rho\acute{o}\lambda\iota\varsigma$ в значении «город-государство» (сткк. 2, 5, 10, 21), а второй — из-за

⁷⁹ Stein A. Die Legaten von Moesien. Budapest, 1940. S. 28—31.

⁸⁰ Vogel-Weidemann U. Die Statthalter von Africa und Asia in den Jahren 14—68 n. Chr. Bonn, 1982. S. 407; Licordari A. Ascesa al senato e rapporti con i territori d'origine. Italia: regio I (Latium) // Tituli. 1982. 5. P. 47; Conole. Milns. Op. cit. P. 186; Thomasson. Op. cit. Col. 124. № 20; Зубар В.М. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. 1988. 63. С. 20 сл. Ср., однако: Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 91 сл.; приводя мнение А. Штейна, авторы склоняются все же в пользу 57 г., ставя эту дату вслед за многими их предшественниками в причинную связь с введением в Тире городской эры. Критику этой точки зрения см. Leschhorn W. Antike Ären. Stuttgart, 1993. S. 76 f.

⁸¹ Это место часто ошибочно понимается в том смысле, что Плавтий Сильван раздвинул границы провинции, соотв. империи (см., например: Щукин. На западных границах Сарматии. С. 44). Правильную интерпретацию предложил: Stein. Op. cit. S. 30 f.; ср. Карышковский, Клейман. Ук. соч. С. 91.

⁸² См., например: Conole. Milns. Op. cit. P. 187.

⁸³ Patsch C. Beiträge zur Völkerkunde von Südeuropa. 5. Teil 1. Wien, 1932. Kap. 6; ср. Rostovtzeff M. // Gnomon. 1934. 10. S. 9.

⁸⁴ Conole, Milns. Op. cit. P. 187.

⁸⁵ Щукин. На западных границах Сарматии. С. 45.

⁸⁶ Он же. Сарматы на землях... С. 80.

⁸⁷ Он же. На западных границах Сарматии. С. 44; ср. он же. Сарматы на землях... С. 80.

⁸⁸ Русяева А.С. До історії взаємовідносин Ольвії з сарматами // Проблеми історії та археології давнього населення УРСР. Тези доповідей. Київ, 1989. С. 192.

⁸⁹ См. предварительно: Сидоренко В.А. Фрагмент декрета раннеримского времени из раскопок под Мангупом // Тез. докл. Крымской научной конф. «Проблемы античной культуры». Ч. I. Симферополь, 1988. С. 86 сл. Благодарю В.А. Сидоренко, готовящего публикацию этого памятника, за предоставленные в мое распоряжение фотографии надписи и любезное согласие использовать в данной работе историческую информацию, опирающуюся на мои собственные чтение и восстановление текста.

того, что текст составлен на койне, в то время как до середины II в. н.э. языком официальных херсонесских актов был дорийский диалект. Поскольку, судя по сохранившемуся тексту, события развивались в Северо-Западном Причерноморье, у нас остается выбор из Тиры и Ольвии, при этом кандидатура второй предпочтительнее как по ряду изоглосс и фразеологических соответствий формуляру ольвийских псефизм первых веков н.э., так и по состоянию камня⁹⁰.

Первой из упомянутых в сохранившемся тексте заслуг неизвестного гражданина было то, что он в то время, когда «урожай большей части хлебов (погиб) из-за засухи», пройдя через вражескую страну (τῆν/ πολέμιον ὄρεῶν γῆν), добыл, видимо, где-то продовольствие и тем самым спас народ от голодной смерти. Крайне важна вторая клаузула: «(Он совершил также посольства) на собственные средства к (наместникам) Мэзии (Сабину и) Элиану, мужам величайшим, и большая часть (просьб была удовлетворена благодаря их) склонности к благодеяниям»⁹¹. Сохранившиеся на камне буквы LIAN.N однозначно и абсолютно надежно восстанавливаются в имя Т. Плавтия Сильвана Элиана, поскольку другие легаты (Нижней) Мэзии с когноменом, оканчивающимся на -lianus, управляли провинцией только уже столетие спустя⁹². Предметом одного из посольств к наместнику (Флавию Сабину?) была, видимо, опять же просьба о хлебных поставках, так как вслед за этим документ гласит (сткк. 10—12): «Ибо не долгое (время) спустя он вложил средства (на закупку хлеба) и на восполнение большей части недостатка в нем как обилием (собственных расходов, так и) усердием ситонов, и когда они доставили провиант...». Итак, первым поприщем деятельности неизвестного эвергета было снабжение родного города продовольствием, вторым стало обеспечение его военной безопасности благодаря получению помощи извне.

Чрезвычайно важно сообщение в следующей клаузуле декрета: «Ибо когда разразились (волнения сарматов [?] и) война, он как раз в это время оказался с посольской миссией в (провинции) Мэзии, сообщив наместнику [?], что (знал) о серьезных, нависших тяжким бременем обстоятельствах: (он испросил то,) за чем был послан... и наполнил нашу местность вспомогательным отрядом (...восстановил [?]) мужество в отечестве и жажду деятельности...»⁹³. Нетрудно в этих волнениях варваров и войне распознать выступление сарматов 62 г., подавленное Плавтием Сильваном⁹⁴, а не создание царства Фарзоя или чеканку им золота. Мы узнаем, таким образом, что несмотря на отправку в Армению V Македонского легиона и необходимость быстрого подавления возмущения сарматов силами двух оставшихся Плавтий Сильван изыскал сверх того возможность послать на подмогу Ольвии (?) вспомогательные отряды⁹⁵ для защиты окрестностей города, по всей вероятности, от тех же сарматских набегов.

Однако самую ошеломляющую информацию, позволяющую сократить круг поиска этнической атрибуции поднявших в 62 г. волнения сарматов, сообщает последняя из сохранившихся на камне клаузул: «Он совершил также и посольство к Умабию (?) (...и к...), величайшим царям Аорсии»⁹⁶. Во-первых, совершенно очевидно, что страну аорсов, название которой впервые в греческой словесности засвидетельствовано здесь географическим термином Ἀορσία, следует искать не на далеких землях между Приазовьем и Поволжьем, а поблизости от Дуная и провинции Мэзии, куда незадолго до того совершил путешествие чувствуемый декретом посланник. Во-вторых, теперь приходится без сожаления расстаться с умозрительной гипотезой о том (см. выше прим. 87), что сарматы Фарзоя были противниками Рима, сражавшимися с легионами Плавтия Сильвана: совершенно очевидно, что неизвестный эвергет, уподобленный согражданами верховному божеству родного подлиса⁹⁷, добившись некоей военной подмоги от

⁹⁰ Конец стк. 14 и некоторых других четко показывают, что текст вырезан повторно на плите со сбитыми более ранними надписью и рамкой, что регулярно практиковалось в Ольвии императорской эпохи. Если мои соображения верны, то перед нами второй случай «перетащенного» из Ольвии в Крым камня; первым была стела с проксенией IOSPE I². 21 = NO 15, использованная в Херсонесе как закладной камень христианского склепа.

⁹¹ Сткк. 7—9: [ἐπρέβευσεν δὲ καὶ τοῖς ἀναλώμασιν ἰδίους πρὸς τοὺς τῆς Μυσίας ἡγουμένους Σαβεῖνον καὶ Αἰλιανὸν ἄνδρας μεγίστους καὶ τὸ πλεόν [τῶν ἀξιώματων] ἔχαρισθη; διὰ τὴν φιλιανθροπῖαν. Подобную же характеристику этим легатам Мэзии дает и оротесия Лаберия Максима (ISM I.68.30/31): Φλ. Σαβεῖνον καὶ Αἰλιανὸν, ἀνδρῶν ἐπισημοτάτων καὶ ἐμοῖ τετιμητοτάτων.

⁹² См. Stein. Op. cit. S. 79 ff.; Thomasson. Op. cit. Col. 121—148; M. Pontius Laelianus (ок. 165—170), Calpurnius Iulianus (конец II — начало III в.), Fl. Lucilianus (236—238) и др.

⁹³ Сткк. 15—20: συναρξέντων γὰρ [ταραχῶν τῶν Σαρματῶν? καὶ τοῦ πολέμου] ἔτυχεν οὗτος πρεσβεύων ἐν ἑπαρχίῳ Μυσία ε.г. τῷ τε ἡγεμόνι ἐμφανίζων ἅ περὶ μεγάλων καὶ ἐπειγόντων πραγμάτων... ε.г. εἶδεν, τοιαῦτα? ἡξίωσεν, ἐφ' ἃ ἦν ἀλεσθαι μένος — — καὶ συμμαχίας τόπον ἐπιπρῶσεν! — — ἀποκαταστῆσαι τὴν τῆς πατρίδος ἀνδρείαν καὶ ἐνέργειαν.

⁹⁴ Восстановленный в стк. 15/16 оборот полностью соответствует фразе motum orientem Sarmatar(um) элогия из Тибура (см. выше).

⁹⁵ О термине συμμαχία = auxilia см. Виноградов. Полемон, Херсонес и Рим. С. 137. Прим. 28 (с лит).

⁹⁶ Сткк. 22—24: ἐπρέβευσεν δὲ καὶ πρὸς Ουμαβιον (?) — — τοὺς μεγίστους τῆς Ἀορσίας βασιλείας.

⁹⁷ Стк. 10: ἰγέγονεν ἡμεῖν? τῆς πόλεως; θεὸν μειψίσθαι.

римского наместника, для укрепления рядов защитников города решил обратиться к его протекторам — величайшим царям соседней Аорсии, имя одного из которых сохранил нам камень — Ουραβιος⁹⁸.

Но коль скоро, как сказано выше, первейшим претендентом на роль этого полиса выступает Ольвия, находившаяся в 60-е годы под патронатом царя Фарзоя, можно с максимальной долей уверенности заключить, что подданными этого царя были откочевавшие в Северо-Западное Причерноморье аорсы, которые не только не стали врагами Рима, но скорее были его вассалами. Об этом можно судить хотя бы по переходу чеканки в Ольвию золотых монет с легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΦΑΡΖΟΙΟΥ со стопы греческих статеров на стандарт римских ауресов, что было вызвано, по-видимому, не одними только экономическими соображениями⁹⁹. Как бы ни оценивать феномен эмиссии золотых монет зависимыми или варварскими царями в эпоху принципиата¹⁰⁰, совершенно очевидно, что она в каждом случае должна была санкционироваться Римом в качестве особой привилегии. Поскольку аорсы подобно роксоланам (см. выше) выбывают из игры как реальные противники Плавтия Сильвана, а аланы к 62 г. едва ли доходили до Дуная¹⁰¹, остается признать, что либо против римского легата выступили какие-нибудь ближе не известные нам урги, либо поднявшими волнения сарматами были языги, совершившие рейд из Закарпатья с намерением овладеть исконной зоной обитания, либо, наконец, часть сираков, осевших, согласно Плинию (NH IV, 83), в непосредственной близости от Ольвии — в Гилее. Как знать, не вспыхнул ли костер сирако-аорского противостояния в третий раз.

Оставив решать эту загадку будущим эпиграфическим документам, вернемся, однако, к аорсам. Итак, декрет из-под Мангула окончательно решил спор об этническом составе царства Фарзоя в пользу тех ученых, которые считали его не скифом, а сарматом¹⁰². По новейшим вычислениям Карышковского. Фарзой начал чеканить свое еще не датированное им золото в середине, а может быть, и в конце 50-х годов, а завершил эту эмиссию двадцатилетием спустя в 70-е годы¹⁰³. Однако наряду с хронологией чеканки гораздо важнее выяснить характер взаимоотношений между Аорсией Фарзоя и Ольвией. По этому вопросу был предложен целый спектр мнений, неоднократно перечисленных в ряде статей, так что едва ли необходимо повторять их на этих страницах. Выпуск монет от имени варварского царя Фарзоя в эллиском полисе нельзя не сопоставить с аналогичными эмиссиями Атея в Каллатисе, Скила в Никонии, Ариха, Эми-нака и Скилура в той же Ольвии, а также царей Малой Скифии в греческих городах Добруджи. Чеканка этих правителей, имевшая порой экономическое, порой просто символическое значение, явилась олицетворением определенной формы зависимости эллизма от варварского окружения, которая однажды была мной обозначена дефиницией «протекторат» и соответствующим образом охарактеризована¹⁰⁴.

Политику военного покровительства Ольвии со стороны аорского царя Фарзоя продолжил его преемник (не исключено, что сын) Имисмей, чью серебряную чеканку на городском монетном дворе Карышковский датирует временем Тита или Домициана, т.е. концом 70-х — 80-ми годами I в.¹⁰⁵ В унисон с

⁹⁸ К сожалению, поиски более или менее близких параллелей этому имени в антропонимическом фонде Северного Причерноморья и за его пределами оказались пока безрезультатными. Единственное близко звучащее имя Ουραβιος встретилось в надписи I в. н.э. из карийской Афродисиады (*Reynolds J. Aphrodisias and Rome. L., 1982. № 11.10*). Вполне вероятно, что в лакуне декрета могло стоять также имя царя Фарзоя. Во всяком случае, картографирование находок его золотых монет вместе с погребальным комплексом из Порогов, содержащим целую серию тамг этого царя и его преемника Имисмея, четко очерчивает границы его царства — Днестро-Днепровское междуречье (см. *Карышковский. О монетах царя Фарзоя. С. 76 сл.; Симоненко. Ук. соч. С. 161 сл.*).

⁹⁹ Вопросы чеканки Фарзоя и ее исторической интерпретации блестяще разработаны в последних работах П.О. Карышковского: 1) О монетах царя Фарзоя, 2) Ольвия и Рим в I в. н.э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982. С. 6—28, 3) Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 108—115, в которых автор пересмотрел свои прежние выводы на хронологию эмиссий и этническую атрибуцию Фарзоя (*он же. З історії греко-скіфських відносин у Північно-Західному Причорномор'ї* // АП. 1962. XI. С. 102—121). Попытка критической ревизии его выводов В.А. Анохиным (Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 58—70) не выглядит весомой. О так называемой «ольвийской эре» из последних см. *Leschhorn. Op. cit. S. 77*. Незнание автором указанной выше новейшей русской литературы привело к поверхностной критике интерпретации Карышковским числовых дифферентов на монетах и неверному выводу о том, что они обозначали номера эмиссий.

¹⁰⁰ См. об этом: *Braund D. Rome and the Friendly King. London—Canberra—New York, 1984. P. 123—128.*

¹⁰¹ Это справедливо подчеркнул А.В. Симоненко (Ук. соч. С. 159—162).

¹⁰² Одновременно с П.О. Карышковским (см. работы, указанные в прим. 98) к такому выводу пришел М.Б. Щукин (Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. 1982. 47. С. 35—38), а еще ранее в беглом замечании Ф. Бози (*Bosi F. // Epigraphica. 1972. XXXIV. 1—2. P. 166: monete d'oro e d'argento in nome di reguli sciti, o più probabilmente sarmati*).

¹⁰³ См. подробнее: *Карышковский. Ольвия и Рим. С7 14 сл. Табл. 1.*

¹⁰⁴ *Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н.э. М., 1989. С. 274—276.*

¹⁰⁵ *Карышковский. Монеты Ольвии. С. 119.*

показаниями нумизматики звучат и данные антропонимии: не случайно, что именно с третьей четверти I в. в ольвийский просопографический фонд начинают проникать поначалу постепенно, а потом и в массовом порядке ирано-сарматские имена и среди них такие знаменательные, как Φαρζοας¹⁰⁶ или Οψθαλακος (см. выше прим. 36, 37). При этом я далек от мысли¹⁰⁷, что физические носители этих имен, составлявшие полисную элиту — архонты, стратеги, послы и т.п., непременно должны были быть по крови сарматами: наряду с вхождением отдельных знатных варваров в городскую верхушку и заключением с ними «династических» браков, ольвиополиты, очевидно, по политическим и экономическим соображениям, стремясь угодить новым покровителям, стали нарекать своих детей варварскими именами, повторив, таким образом, антропонимический феномен V в. до н.э.¹⁰⁸

Однако бок о бок с «миролюбиво» настроенными по отношению к эллинским полисам и, по всей видимости, вассальными клиентами римской власти аорсами Умабия (?), Фарзоя и Инисмея в Северо-Западном Причерноморье обитали и другие группы сарматских племен, постоянно тревожившие своими нападениями границы Империи во второй половине I в. Подобные набеги известны по сообщениям прежде всего Тацита и Иосифа Флавия. Зимой 67/68 г. роксоланы вторглись в пределы Мёзии, уничтожив две когорты, и лишь на следующий год были разгромлены армией Марка Апония (Tac. Hist. I.79). Не исключено, что на будущий год произошли новые столкновения с сарматами, за победу над которыми Лициний Муциан удостоился триумфа (ibid. IV.4). В 70 г. в сражении с даками и сарматами пал наместник Мёзии Фонтей Агриппа (ibid. IV.54; Flav. Ios. Bell. Iud. VII.89—91), и только его преемнику Рубрию Галлу удалось замирить воинственных варваров, отбросив их за Дунай (Flav. Ios. Bell. Iud. VII.92—95). На исходе I в. борьбу с сарматами на дунайском лимесе продолжил Домициан: в 92 г. он предпринял карательную экспедицию против языгов за разгром ими целого легиона с легатом (Suet. Dom. 6.1; Dio. 67.5.2). Однако в это время Аорсия Инисмея, по-видимому, уже распалась, так как по свидетельству посетившего Ольвию в эти годы (незадолго до 95 г.)¹⁰⁹ Диона Хрисостома ольвиополиты постоянно отражали набеги как «савроматов», так и скифов исключительно собственными силами (Dio Chrys. XXXVI.8.15 Annim). Однако в это время античный мир стоял уже перед проблемой разрешения нового глобального конфликта — Дакийской войны с царем Децебалом.

MILITARY AND POLITICAL HISTORY OF SARMATIANS IN THE FIRST CENTURY A.D.

Yu.G. Vinogradov

On the basis of a comprehensive of the evidence of the narrative tradition, epigraphic sources (primarily introduced in academic research for the first time), numismatic and archaeological materials the article traces the stage-by-stage political and military history of different Sarmatian tribes, outlines the area of their settlement, routes of their movements and the nature of contacts both with the states of the North Black Sea area and Transcaucasia and the Roman empire.

The first milestone in the history of the region was the assumption of power in Bosphorus shortly after the birth of Christ by the new Sarmatian dynasty in the person of its founder Aspurgus who granted his fellow-tribesmen most-favored regime and, in particular, installed his Sarmatian protege on the throne of the late-Scythian kingdom.

¹⁰⁶ НО 77 в исправлении: Ю.Г. Виноградов (SEG XXVIII.652). См. также НО 42; Δαδακος Παδακου с исправлением даты (Виноградов Ю.Г. Ольвия и Траян // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1990. С. 29). Полный просопографический реестр см. Карышковский П.О. Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры // ВДИ. 1993. № 1. С. 73—96.

¹⁰⁷ Противоположного мнения держится А.С. Русяева (Ук. соч. С. 192 сл.).

¹⁰⁸ Подробнее см. Виноградов Ю.Г. Варвары и просопографии Ольвии VI—V вв. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 131—146. С абсолютно аналогичным феноменом филиации некоторых имен правителей ряда малоазийских государств, прежде всего Пафлагонии, в антропонимический фонд полиса мы встречаемся в Синопе (см. Граков Б.Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928. С. 26—30; Виноградов Ю.Г. Б.Н. Граков и греческая ономастика // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. Докл. конф. Запорожье, 1989. С. 29—31).

¹⁰⁹ О дате см. Виноградов. Политическая история...С. 264.

The second landmark in Sarmatian history was the participation, that did not take place, of Siraci (?) and the one that did take place, of the lower Aorsi (?) in the struggle of Iberian kings Pharasmanes and Mithridates for the Armenian throne shortly after 35 A.D. The pounced inscription on the silver cauldron from the Kosika I burial executed by the Sarmatian craftsman Ampsalacus enabled the autor to formulate a hypotesis that the king Arthevadzes mentioned in the inscription became in 37/38-41 A.D. the Armenian successor of Mithridates Ibericus recalled by Caligula to Rome. Receiving gifts, Sarmatian sceptuchi continued to serve the king of Armenia up to the defeat of his military leader Demonax from Iberians and Romans in 41 A.D. (Tac. ann. XI,8,1). After that they moved in winter through the land of the allied Albani along the Caspian coast to the Lower Volga where one of their leaders was burried.

However, two-three years later the Sarmatians took an active part in the Bosporan-Roman war of Aspurgus's heirs for the throne in 45-49, with different tribes fighting on the different sides of the front: the Siraci supported Mithridates III, and the Aorsi – his brother Kotys and the Romans, so that the Iberian – Parthian scenario was reproduced a decade later.

As a result of the military conflict which ended in the defeat of Mithridates and the Siraci there was a powerful ethno-political surge of considerable masses of Aorsi and Siraci to the north-west Black Sea area in c. mid 1st century established by reports of ancient authors (Plin. NH IV 80, cf. IV 83; Ptol. III 5,7-10, cf. VI 14,9-10 and 13), epigraphic, numismatic anthroponymic and archaeological data. Relying on the well-known chronicle of Plautius Silvanus's elogium (CIL XIV 3608) the author for the first time cites at time stunning historical information of the Olbian (?) decree found in Mangup: both documents which have many data in common supplement each other. During the Sarmatian offensive of 62 the person honored by the Mangup decree was in Moesia, where he managed to obtain from governor Tiberius Plautius Silvanus Aelianus an auxiliary unit to defend Olbia's (?) environs from the Sarmatian protectors of Olbia, Rome's vassals, who moved to the area between the Dniester and the Bug, minted gold and silver coins in the city (Pharzoius, Inismeus) and left in that land such remarkable archaeological monuments as the burial complex from Porogi.